

К 17
Р 3/567

Андрей Калинин

ШЕСТЬ ИВАНОВ

Молодая гвардия
1943

Андрей КАЛИНЧЕНКО

ШЕСТЬ ИВАНОВ

(Документальная повесть)

Издательство ЦЕ В.ТКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1943

Редактор *Б. Егеньев*

Художник *Н. Борисова*

Подпис. к печ. 11·IX 1943 г.

Л40336. 3¼ п. л. 62 000 зн. в

печ. л. 5,1 уч.-изд. л.

Заказ № 1443. Тираж 30 000.

Цена 1 р. 20 к.

Фабрика юнош. книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвар-
дия». Москва, ул. Фридриха
Энгельса, д. 46.

1. ЗЕМЛЯНКА ПОД ЕЛЮ

Вьюга вихрилась весь день. В серой несущейся мути не было видно ни старой большой сосны, ни дробного березняка и осинника, что у Горбовского яра. Порой светлело, порой темнота сгущалась, как ночью. Лес побелел. В гуле ветра чудилась отдаленная артиллерийская канонада. Острые хребты сугробов дымились.

На толстой сосне был сделан протёс, и на нем явственно выступала выжженная буква «Р». Теперь протёс и букву залепило снегом. Когда сгустились сумерки и вьюга усилилась, в нескольких метрах от старой сосны, в густом орешнике, вдруг упала, как подкошенная, молодая кудреватая ель. На месте корневища поднялась дверка, прикрывавшая ход в подземелье, из которого тотчас показался человек с небольшим ведром в руке. Он огляделся, потом спокойно прошел на поляну, где снег был чище. Набрав полное ведро снега, человек вернулся обратно по своим старым следам.

Молодая ель поднялась, и дверка вместе со слоем

плотного снега захлопнулась и прикрыла ход. Следы замела вьюга, ель снова закачалась под ветром. Человек с ведром спустился по земляным ступенькам в большую и довольно уютную землянку с бревенчатым потолком и толстым накатом. В левом углу стояла небольшая сложенная из кирпичей печь. Человек поставил на нее ведро и разжег огонь. Сев у очага на чурбанчик, он стал подбрасывать в огонь сухие дрова. Он пользовался только ореховыми дровами: они не дымили и вспыхивали ярким пламенем. Из предосторожности человек топил печку только ночами или поздним вьюжным вечером.

Человек был молод. Верхняя губа его еще не покрылась пушком. Впалые выразительные глаза с большими ресницами внимательно следили за пламенем. Человек протянул руки к огню и долго рассматривал свои худые длинные пальцы, покрытые жиром и черной краской.

Снег в ведерке скоро превратился в воду. Когда она закипела, юноша достал ломоть черного хлеба, густо посолил его и с жадностью стал есть, прихлебывая горячий чай.

В печке постепенно угасал огонь. Тлели, слегка потрескивая, угли. Юноша встал, вытер рукавом выступившие на лбу капли пота, зажег маленькую керосиновую коптилку и пошел в левый дальний угол землянки. Здесь, на столе, лежала типографская касса со шрифтом. Юноша правой рукой начал набирать литеры, в левой держа верстатку. Многих букв нехватало, приходилось оставлять пустые места. Это замедляло работу. Он злился и косо поглядывал в правый угол землянки, где стояла печатная машина — «американка». На ее талере лежала сверстанная газета. Нехватало небольшой заметки.

Наконец набор был закончен и заметка поставлена. Оставалось сделать оттиск, поправить ошибки, и газету можно печатать.

Но что это? Молодой человек — Ваня Петин — окаменел. Перед ним лежал весь изгрызенный печатный валик: остался только металлический стержень с бахромкой мастики. Маленький серый зверек, пискнув, быстро юркнул в земляную нору.

— Мыши! — вне себя крикнул Ваня. — Полевые мыши!

Он беспомощно опустил руки. Смешно злиться на ничтожного маленького зверька, но газету печатать нельзя. Валик испорчен, а заменить его нечем.

«Хоть бы Шура пришла, помогла», подумал он, вспомнив, как они с озорной и веселой комсомолкой Шурой Вороновой уже не раз спасали типографию.

Это было в первые дни, когда подпольную типографию спрятали на хуторе Дробново. Здесь была прорыта яма и в нее проделаны потайные ходы. Ночью Ваня набирал газету, когда хлынула подпочвенная вода. Ему помогла Шура Воронова, бывшая на хуторе связной. Плавая в воде, барахтаясь в грязи, они спасли шрифты, краску, бумагу и «американку».

Потом ночами в мешках переносили типографию в захолустную лесную деревушку, в колхозную избу. Думали, что туда немцы не заглянут. Но едва сгустились сумерки, в избу прибежала запыхавшаяся и раскрасневшаяся Шура.

— Ванюшенька, гитлеровские каратели в деревню идут! — закричала она с порога.

В несколько минут они собрали типографию, погрузили на две подводы и околицей у гумен выехали в лес. Типография ускользнула из-под носа фашистов.

Потом в лесу они копали землянку. Шура много шутила, смеялась и вполголоса пела веселые песни. Эти опасные дни странствований типографии с одного места на другое остались для Вани самыми светлыми

днями. Но Шуры теперь нет, она ушла в партизанский молодежный отряд разведчицей. Ваня один остался в землянке под елью.

Трудно справляться в «однолошадном хозяйстве». Он неделями без отдыха стоял у типографской кассы, делал заголовки, печатал газету и сам относил ее в условленное место. Там же он получал письма колхозников в редакцию. Их приносили почтальоны и складывали в ящик под буквой «Р», у старой сосны. В заметках не было недостатка. Колхозники писали о зверствах фашистов, грабежах, убийствах, о сожженных домах, о повешенных ни в чем неповинных советских людях. Святая русская кровь рекой лилась в оккупированном немцами Островском районе. Газета призывала:

«Откроем боевой народный фронт против фашистов! Смерть оккупантам — двуногим зверям!»

Она выходила по средам, а в пятницу в условленное место с разных концов района приходили за газетой связные. Они пробирались тайно и, хоронясь от немцев, разносили колхозникам газету. И колхозники знали: раз выходит своя, родная газета, значит живет в оккупированном районе советская власть, борются с фашистскими извергами партизаны в лесах, мстят врагам за народную кровь...

Газета должна выйти! Это закон, боевой приказ. И Ваня обязан его выполнить. Иначе что он скажет партийному подпольному комитету, секретарю райкома партии Ивану Полозову, Вале Парамоновой — секретарю райкома комсомола? Как объяснит невыход газеты колхозникам? «Мыши валик обгрызли... Разве это оправдание?»

Ваня пережил несколько мучительных минут. Слышно, как нахально возились и попискивали мыши, как визжала выюга, шумел лес. Потом Ваня решительно шагнул к «американке» и, взяв обгрызенный валик, за-

прятал его в рукав шубы. Торопливой походкой он вышел из землянки.

Клубы снега ударили ему в лицо. Утопая по колена в сугробах, он скрылся в серой мути вьюги. Он решил обратиться к старому колхозному мастеру Кудинову.

Золотые руки были у Савелия Кудинова. Он ремонтировал патефоны, гармошки, часы, бинокли, очки, пишущие и швейные машинки. К нему привозили и сложные моторы. Говорят, однажды к нему обратился с просьбой отремонтировать микроскоп главный врач районной больницы, и Кудинов не отказался.

Жил Кудинов большой семьей на краю деревни, в маленькой избенке. Второй год болел туберкулезом и острым ревматизмом, почти не слезал с печи. Когда в деревню пришли немцы, мастер нашел в себе силы закопать инструменты в яму, а сам снова залег на печь. Всех мастеровых немцы сгоняли в мастерскую чинить танки, броневики и автомашины. В Бузакове была организована немецкая ремонтная база. Кудинову удалось избежать этой повинности из-за болезни.

До Кудинова Ваня добрался поздней ночью, пройдя огородами, чтобы не заметили немцы. Вся семья давно уже спала. Ваня осторожно постучал в дверь.

В сенцы, накинув на плечи овчинный тулуп, вышел сам хозяин.

— Дело до тебя, дядя Савелий, очень срочное... — зашептал Ваня.

Кудинов в темноте ощупал изгрызенный мышами печатный валик, подумал, почесал затылок и попросил Ваню помочь откопать инструмент. В темном хлеву, не зажигая огня, прислушиваясь к малейшему шороху, они разрыли яму. Потом, спрятавшись в бане, при свете лучины они провозились всю ночь.

Серое вьюжное утро застало их за работой. Валик был готов. Савелий Кудинов, бледный, отхаркивался кровью.

— Может, проводить вас, дядя Савелий, до дому? — спросил участливо Ваня.

Мастер махнул рукой.

— Не надо... Иди, сынок, выпускай газету! — И, как пьяный, нетвердой походкой, сгорбившись, он зашагал к своей избе.

Ваня, прижав к груди валик, бросился за околицу, в поле. Он бежал, петляя, как заяц, хоронясь от фашистских часовых. Совсем было светло, когда на перекрестке, недалеко от Грулевского леса, он остановился у столба с прибитыми на нем дощечками с немецкими указателями. На столбе было наклеено объявление, гласившее:

«Немецким командованием сегодня раскрыта партизанская тайная типография, уничтожена газета. Организаторы типографии повешены. Немецкое командование предупреждает население: если оно заметит укрывательство партизан или обнаружит партизанскую газету, то будут расстреляны на месте».

У Вани похолодели руки, кровь застучала в висках. Он бросился в лес, к Горбовскому яру.

2. ПРОВОКАЦИЯ

Прячась за деревьями, Ваня осторожно подходил к землянке. Но чем ближе оставалось до молодой ели, тем больше он терялся в догадках. Чужих следов не видно на снегу. Тихо. Ель на месте. Что же это такое? Может быть, немецкая провокация? Ваня сделал восьмерку, запетляя следы. Вот и землянка. Все на старом месте. Он открыл дверку. В землянке попрежнему тихо. Не тронуты типографская касса, шрифты, «американка», ведро на печке. «Налгали, проклятые гитлеры!» решил Ваня.

Но в полночь насторожился: слышались шаги. Он бережно положил верстатку на кассу, взял трофейную немецкую гранату и в ожидании застыл у входа в зем-

лянку. Шаги приближались. Над крышей закрипел снег. Ваню торопливо окликнули:

— Ростов, ты меня слышишь?.. Ростов?.. — разобрал он приглушенный женский голос.

— Кто спрашивает? Отзыв? — не двигаясь с места, спросил Ваня.

— Я Рига... Слышишь меня? Рига!.. — получил он отзыв на свой пароль.

Ель качнулась, дверка приподнялась, и в дыру спустилась закутанная шерстяным платком женщина. Она осмотрела печь, типографскую кассу, печатную машину и только потом обратилась к Ване:

— У тебя все спокойно?

— Как видишь...

Он слегка улыбнулся, обрадованный живому человеку. Его лицо, измученное, землисто-серое от бессонных ночей и сырого, затхлого воздуха землянки, прояснилось. Но в то же время он насторожился:

— А разве что-нибудь случилось, Валя?

В закутанной платком женщине, подвязанной какой-то веревочкой, с кошкой в рукав, где лежали лук, кочан капусты, морковь и кусок хлеба, трудно было узнать Валентину Парамонову — секретаря райкома комсомола. Она сняла платок и расстегнула пальто. Теперь при тусклом свете коптилки можно было рассмотреть ее: круглое девичье лицо, припухлые детские губы, слегка вздернутый, зазорный нос. На лбу девушки обозначилась упрямая складка, ставшая за дни напряженной работы глубже и резче.

Валентина примостилась на чурбанчике у печки.

— Несчастье у нас, Ваня, — сказала она печально: — Шуру Воронову схватили немцы. Говорят, увели в штаб. Пытали... Нашли нашу газету, запрятанную в валенках. Выпытывали, где типография.

Губы Валентины слегка дрогнули; она склонила го-

лову на руку, облокотилась на колено. Ваня стоял молча, разглядывая верстатку с незаконченной строчкой. Лицо его было запачкано типографской краской, и хохолок черных непокорных волос стоял вихром на макушке. Ему жаль было Шуру. Все комсомольцы района знали и любили ее, веселую, общительную девушку. Шура в числе немногих знала, где находится подпольная типография.

«Выдержит ли Шура пытки? Угрожает ли опасность типографии?» Это одинаково мучило и Ваню и Валю. У Шуры беззаботное лицо и по-чуждому, стручками, торчат косички. В райком комсомола она всегда вбежала запыхавшись, шумно хлопала дверьми, стремительно носилась от стола к столу. Всех Шура щипала, обнимала, ко всем приставала с вопросами. И все на нее с шутливой строгостью кричали:

— Шура, да что ты, заполошная, уймись!.. Ведь у нас же работа!

У Шуры был избыток сил, здоровья, энергии. Она заразительно смеялась, любила петь, танцевать. С ней всегда было легко и весело. Кажется, единственный раз в жизни Валя видела Шуру хмурой и притихшей. Это было за несколько дней до оккупации фашистами Островского района.

Партийная организация и комсомол готовились тогда к подпольной работе. В районе создавались партизанские отряды.

Район переживал тревожные дни. Фронт приближался. В райкоме партии и райкоме комсомола шла горячая подготовка к предстоящим боям. И вот в эти горячие дни в райком комсомола пришла Шура Воронова.

— Валя, я пойду в партизанский отряд,—заявила она.

Лицо ее покрылось густой краской, а косички трепыхнулись, когда она бросилась к секретарю райкома.

— Валечка, понимаешь, я все обдумала, все решила! Я, знаешь, очень люблю жизнь... Люблю свою речку Рузу

и чистый лесной воздух. Но какая теперь жизнь, Валечка, если к Рузе, к моей светлой Рузе тянутся немецкие танки со свастикой?.. Как нашему секретарю комсомола, клянусь тебе: буду достойной партизанкой!

— Шура, а ты хорошо продумала, что будешь делать в партизанском отряде? — спросила Валя.

— Все, Валечка, что заставят... Все! — И она улыбнулась своей хорошей, веселой улыбкой. Выходя, Шура запела вполголоса:

Уходили комсомольцы на великую войну...

Вечером Шура ушла в партизанский молодежный отряд. Ей поручили готовить обед, стирать партизанам белье, чинить одежду, держать в чистоте посуду и землячку. Шура легко и весело выполняла самую тяжелую и неприятную хозяйскую работу. Потом в отряде нашлась более опытная хозяйка — «мать партизан», как звали партизаны Софью Степановну, мать отважного разведчика, комсомольца Толи Шубрикова. Шура стала связной, потом разведчицей.

Теперь, когда Шуры, может быть, уже не было на свете, она предстала перед Валею, как живая. Чем больше Валя думала о светлом образе партизанки, тем легче становилось у нее на душе. «Никогда не подведет Шура своих! Ни одного слова не вытянут у нее фрицы!»

Валентина закутала голову шерстяным платком, взяла кошелку и снова стала похожа на пожилую колхозницу. Прощаясь, предупредила Ваню: «Будь на-чеку!» Она верила Шуре. Но кто знает, выдержит ли она пытки? Почему немцы пошли на провокацию и расклеили объявление о разгроме типографии? Не кроется ли за этим что-нибудь другое? Надо предупредить подпольный комитет, партизанские отряды.

Валентина скрылась в темноте леса. Низко нависли хмурые косматые облака. От порывистого ветра раскачивались макушки елей и сосен. Снова поднималась вьюга.

Шуре Вороновой в партизанском отряде поручили боевую разведку. Она незаметно пробиралась в деревни, занятые немцами, и приносила в отряд важные сведения о количестве немецких солдат, их вооружении, о месте расположения вражеских пулеметных гнезд и баз горючего.

Отправляясь в разведку, Шура засовывала в свои большие мужские валенки листовки и номера подпольной газеты. По пути в деревнях она расклеивала их на заборах и столбах.

Немцы любили на каждом столбе, доме, на воротах, у подъездов прибивать дощечки с приказами и угрозами населению. Как-то Шура ухитрилась на эту фашистскую «литературу» наклеить свои партизанские листовки с боевым лозунгом: «Смерть немецким оккупантам!» Она не уходила из деревни до утра, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет на фрицев ее работа.

Утром у столбов и заборов столпились колхозники и жадно читали партизанские листовки. Немцы сначала не поняли, в чем дело. Обычно колхозники проходили мимо дощечек торопливо, угрюмо глядя себе под ноги, и вдруг у дощечек толпы народа! Может быть, советские колхозники прониклись, наконец, уважением к новой власти и стали читать фашистские листовки? Однако вскоре немцы увидели, что читают колхозники, и забегали, засуетились, стали срывать дощечки. На улице поднялась стрельба, шум, ругань.

Воспользовавшись суматохой, Шура незаметно скрылась. Она благополучно добралась до партизанского отряда. Днем, когда после очередной операции партизаны собрались в землянку и Шура рассказывала, как она расклеивала листовки и как потом за ними гонялись фрицы, весь отряд покатывался со смеху. Вместе с пар-

тизанами весело и озорно смеялась над своей смелой проделкой и сама Шура.

Последняя ее разведка была в районный центр — село Островское. Она зашла к себе домой передохнуть и захватить белье. Недалеко от Шуриного дома жил островский вор и пьяница, дважды судимый, Филин. Немцы завербовали его в полицейские. Филин, выслуживаясь перед немецкими бандитами, устраивал погромы, грабил население. Он заметил Шуру, когда она входила к себе домой, и предал ее.

Сейчас Шура Воронова в немецком штабе. За столом толстый офицер с глазами навывкате. Веки у него не мигают, а глаза какие-то застывшие, неживые, словно стеклянные. Он смотрит в угол, на большую кафельную печь. Рядом с ним стоит рыжий, с большой лысиной, обрюзгший переводчик, лебезит перед офицером. Переводчик вежливо предлагает Шуре сесть, но она отказывается. Он поспешно открыл стол. Там лежала коробка с конфетами.

— Фрейлен желает сладкий конфет?.. Нет?.. Очень жаль...

Офицер мрачно посмотрел на рыжего переводчика и что-то сказал ему по-немецки. Тот с готовностью обратился к Шуре:

— Фрейлен Шура Воронов будет говорить правду... Немецкий офицер окажет ей большую милость... Вы скажете, где живут партизанский отряд Шесть Иванов?

Рыжий немец быстро перевел взгляд своих маленьких заплывших глаз на пачку газет и листовок, которые Шура не успела расклеить:

— Вы скажете, где печатаются эти листовки и газеты? Немецкое командование вам сделает большое заступление...

Шура стояла молча. Глаза ее смотрели мимо офицера и рыжего переводчика. В окно падал дневной свет. Там,

на воле, бушевала вьюга, и снежная пыль, поднимаясь под стрешни домов, легко ложилась на острые сугробы. «Что-то делают партизаны? — думала Шура. — Выпустил ли Ваня газету?»

— Фрейлен не желает говорить? — спросил переводчик и взял со стола подпольную газету. — Немецкому командованию известно... Вы были организатором партизанской типографии... Что вы скажете теперь, фрейлен?

Шура, угрюмо посмотрев на переводчика, продолжала молчать. Офицер кивнул головой рыжему, тот позвал часовых. Шуру увели в холодный амбар. Часовые стали у дверей. Вскоре туда явились два немца с фашистской свастикой на рукавах и эмблемой черепа со скрещенными костями.

Они раздели Шуру, сняли даже валенки и голую поставили у стенки. Первый отсчитал десять шагов, прицелился и выстрелил. Шура вздрогнула, но продолжала стоять. Тогда второй немец отошел на пятнадцать шагов к противоположной стене и тоже выстрелил. Посмотрев, где легла пуля, он с торжеством объявил:

— Драй сантиметр!

Пули ложились на стене у плеча, шеи, головы Шуры. Она теперь не-вздрагивала. Закусив губу, с посиневшим лицом, дрожа от холода, она без крика и стонов перенесла тяжелую пытку. И не видела, как в амбар вошли толстый офицер и рыжий переводчик. Фашисты прекратили свои упражнения в точной стрельбе по живой мишени. Немецкий офицер вплотную подошел к Шуре и, взяв ее за подбородок, поднял голову.

— О, фрейлен имеет закаленные нервы! Теперь фрейлен скажет все. Не правда ли? Немецкое командование даст ей очень большую награду!

Шура открыла глаза. На нее смотрела безжизненная маска со стеклянными глазами. Шура выпрямилась, собралась с силами и плюнула в эту мерзкую физиономию.

— Негодяй! — крикнула она.

Это было первое слово, вырвавшееся из ее груди. Два немца с черепом смерти набросились на нее. Они выворачивали ей руки. Удары сыпались в грудь, в спину, в лицо. Шура терпела. Ни стопа, ни крика не издала она. Толстый офицер тщательно вытер платком лицо.

— Хальт! — крикнул он.

Безжизненное Шурино тело в синяках и кровоподтеках лежало на полу.

— Кальт вассер! — приказал офицер.

Два немца принесли по ведру холодной воды и вылили их на Шуру. Бросив сверху на нее какое-то тряпье, немцы ушли из амбара.

Шура потеряла сознание. Долгое время она не чувствовала ни холода, ни боли. Только в полночь она пришла в себя. Лязгнул замок, и с грохотом открылась дверь. Немецкие часовые подняли Шуру и в одном платье, босую повели в штаб. В большой комнате ее поставили у раскаленной печи. Печь дышала жаром. Шуре после мучительного холода в амбаре здесь, у жаркой печи, стало дурно. Перед глазами поплыли столы, стулья, и толстый офицер, и рыжий переводчик. Потом стали возникать желтые и зеленые круги. Круги так больно сдавливали голову, что Шуре хотелось кричать. Но кричать нельзя. Вдруг в крике вырвется слово, которое выдаст ее друзей и сподвижников?

Шуру мучило: не сказала ли она что-нибудь лишнее в бреду? Она старалась припомнить, но не могла. Окрик толстого офицера заставил ее вздрогнуть. Теперь она ясно увидела комнату, в которой уже была раньше. Столы, стулья на своих местах. Толстый офицер играл резиновой дубинкой. Рыжий переводчик вытянул шею, как аист, и пристально вглядывался в кудлатого, обросшего длинными черными волосами человека, который неожиданно появился из боковой двери. Кто же

это такой? Нет, Шура не бредила, она где-то его видела. Да ведь это бывший партизан Байков! Он загадочно исчез из партизанского отряда. Одни говорили, что убит, другие — попался в лапы немцам. Что он делал в немецком штабе?..

Байков стоял сгорбившись, пряча маленькие крысиные глаза. На козлиной его бородке таял иней.

— Фрейлен Шура знает этого человека? — спросил офицер.

Шура отрицательно покачала головой.

— Нет, мне незнаком этот человек.

Тогда офицер повернул голову к Байкову:

— Вам известна эта девушка?

Лицо Байкова изменилось, на нем появилась угодливая улыбка лакея и раба.

— Шура, признавайся, — залебезил Байков. — Тебе ничего не будет. База разгромлена, партизанская пекарня уничтожена. Отряд Шести Иванов окружен. Раскрыта подпольная типография. Все погибло, все потеряно!

Мертвенной бледностью покрылось лицо Шуры. По всему телу пробежала дрожь, сердце застучало часто, как удары молотка. Превозмогая душевную боль, она медленно подошла к Байкову, не спуская с него глаз. Звонкая пощечина раздалась в затихшей комнате.

— Получай, провокатор, предатель! — крикнула Шура и, потеряв силы, рухнула на пол.

Ее вынесли из штаба часовые. У амбара к ним присоединились гестаповцы — те, двое, со свастикой на рукавах и эмблемой смерти.

4. НА МЕЛЬНИЦЕ

Валентина вернулась домой поздно вечером. Она жила на щепинской мельнице под видом дочери мельника Трофима Андреевича Балыкова. Ее поселил здесь подпольный комитет. Щепинская мельница находилась в

стороне от больших дорог и деревень. Подпольный комитет думал, что она меньше всего будет доступна немцам.

Но на мельнице неожиданно поселился немецкий штаб. Положение изменилось. Кругом часовые, пулеметные гнезда. Штаб тщательно охранялся немцами. Колхозников, приезжавших на мельницу, часовые останавливали и проверяли. Фашисты следили за каждым, кто жил на щепинской мельнице.

Создались большие затруднения в подпольной работе. Приходилось изворачиваться, хитрить, конспирироваться. Выручали осведомительные посты. Они были созданы по инициативе Ивана Полозова. Посты возглавлялись опытными большевиками — «отцами». «Детьми» их были комсомольцы. Семья дяди Ютина была самой дружной, самой работоспособной. Валентина Павловна общалась с ним записками. Записки передавались через верных людей, связных. Мельник Трофим Андреевич помогал своей «дочери», отводя от нее подозрения фашистов.

Валя никогда раньше не вела подпольной работы. О старых большевиках-подпольщиках, их конспирации она знала только из книг.

До войны она посетила Музей Ленина. Предполагала осмотреть его за один день, но провела в музее неделю. Особенно сильное впечатление на нее произвели ленинский шалаш в Разливе; сталинские подпольные типографии, организованные им в Батуме и Тифлисе в годы, когда только цементировалась, закалялась и вырастала большевистская партия; подпольная работа Сталина, его побеги из ссылки — из Нарыма и маленькой сибирской таежной деревушки Новая Уда. Когда Валентина Павловна ложилась в постель и закрывала глаза, в ее воображении вставали и шалаш и типографии. Она представляла себе, где висел котелок, в котором варил обед Ленин, каким был пенеж, на котором он отдыхал и работал.

Посещение ленинского музея стало для нее как бы поворотным моментом в жизни. Валентину Павловну потянуло к историческим наукам. Она изучала историю партии, труды Ленина и Сталина, увлекалась историей и философией.

Будучи комсомолкой, она преподавала историю в младших классах средней школы. Война помешала ей закончить заочно исторический факультет. Прямо с зачетной сессии она поехала к себе в район и вся отдалась комсомольской работе.

Теперь, в подполье, Валя особенно остро ощущала изменившуюся обстановку. Ей часто вспоминалась поездка с группой молодежи, только что окончившей курс. Они ехали из Москвы в одном вагоне. Веселая, жизнерадостная советская молодежь! Одни направлялись на большие заводы, на Урал и мечтали стать инженерами. Другие — на золотые прииски в Бодайбо. Третьи мечтали об отдыхе, путешествии в Крым, к горячему солнцу, к ласковым волнам Черного моря. Маленький, с хохолком на макушке и непокорными вихрами на висках студент-химик, похожий, как две капли воды, на Ваню Петина, мечтал о большой научной работе. Он петушился, горячо спорил с будущими инженерами и геологами. «Моя химия,— кричал он,— в земле, в лесах, цветах, реках, морях и в солнечных лучах Советской страны!» И они пели: «Широка страна моя родная...» Пела и Валя. Как она была счастлива! Ведь и у нее была своя мечта и большие возможности стать ученым, и инженером, и химиком, и педагогом. И вот фашистские изверги отняли все эти возможности, мечту, цель жизни. Нет, никогда Валя не подчинится им! Фашисты сжигали книги. Валя тайно хранила сталинскую книгу «Вопросы ленинизма». Она читала украдкой в чулане, запирая дверь на крючок. За ней следили шпионы: рядом находился немецкий штаб. Ее частые отлучки с мельницы наводили на подозрение. Рыжий переводчик Хайнц, остановив ее, спросил:

— Катрин, куда вы так долго отлучался вчера?

Она жила на мельнице под кличкой «Катя». Валя ответила, что ходила навестить больную тетушку. Рыжий немец не поверил, ехидно заметил:

— Очень часто бывает кранк ваш тетушка?

— Очень часто, — сказала Валя.

Рыжий Хайнц подозревал, вынюхивал. Мельник его называл — «рыжий пудель». Хайнц часто заходил к мельнику и подолгу разглядывал на стенах семейные фотографии.

— Катрин, почему вас нет в семье на фотографиях? — «Рыжий пудель» выпытывал, хитрил.

Выручал мельник. Он объяснял спокойно и убедительно:

— Моя дочь долго жила в городе, далеко от нас. Она училась. Ей не доводилось сниматься вместе с нами...

Он бережно доставал из комода старую, засиженную мухами и тараканами семейную фотографию и показывал на маленькую белобрысую девочку лет пяти, с чолкой и косичками, свою дочь, умершую много лет назад:

— Да вот же наша Катюша!.. Тогда ей было всего-то пять годков... Теперь вон какая поднялась!

Немец фыркал на фотографию и менял тактику. Он рассказывал о девушках-партизанках. В одной деревне немцы повесили двух, в другой — пять, в третьей — восемь девушек-партизанок. Он глядел в упор, следил, какое впечатление произведут на Валю его рассказы.

Нужна была большая выдержка, чтобы не выдать себя. Сердце учащенно билось. Хотелось плюнуть в мерзкую физиономию «рыжего пуделя», заклеить презренного негодяя, душегуба. Ведь это он отдавал советских девушек на виселицы! Он вынюхивал, рыскал, подозревал! Он мучил Шуру Воронову! Росла жгучая ненависть. Руки сами тянулись задушить мерзавца.

Но нельзя. На лице не должен дрогнуть ни один мускул.

Переводчик Хайнц не уходил, подолгу засиживаясь у мельника. Для Вали эти часы были тяжелым испытанием.

Однажды Хайнц прибежал в комнату к мельнику злой и возбужденный. Красное лицо его стало багровым, а водянистые глаза еще больше сузились.

— Катрин, вас ист дас Иван?— задал он неожиданный вопрос.

Валя, недоумевая, пожала плечами. Откуда она знает, кто такой Иван? Много на русской земле Иванов...

Рыжий Хайнц поправился:

— Вы меня не понял, Катрин. Кто есть Ивановы?

— Иван — это широко распространенное русское имя,— объяснила Валя.

— О, это страшное имя!— зло сверкнув глазами, крикнул немец.

Валя насторожилась. Она прекрасно поняла, о каких Иванях ведет речь фашистский переводчик, но сохранила наружное спокойствие. «Отряд Шести Иванов» — так называли себя комсомольцы молодежного отряда.

Немец не спускал глаз с Вали, следя за выражением ее лица:

— Вы знаете, Катрин: молодой девушка Шура из отряда Иванов — капут! Ее повесил немецкий зольдат! Скоро будет капут всем Иванам!

У Вали по коже пробежала холодная дрожь. Она встала и прошлась по комнате. Сейчас она хотела только одного: не смотреть на противную рожу «рыжего пуделя», не выдать себя, сохранить спокойствие. Но она не могла: слишком велико было чувство любви к Шуре Вороновой и отряду Шести Иванов. Стиснув зубы, сдерживая себя, не сказав ни слова, она вышла в другую комнату к мельнику. Немец посидел и тоже ушел. Валя не могла больше сдерживаться и разрыдалась.

Всю ночь она не спала, мучилась в догадках. А в полночь на мельнице, в немецком штабе поднялся невероятный шум. Забегали и засуетились штабные офицеры. Они кричали, кого-то вызывали, звонили по телефону, ругались. Несколько раз с испугом упоминалось имя Шести Иванов. Потом в штаб привезли оцинкованный гроб и убитого немецкого полковника — начальника штаба.

Вале тихо постучали в дверь, и тотчас в щель просунулась записка: «Уходите скорее!» Эти два слова торопливо были написаны рукой мельника.

5. ДЯДЯ ЮТИН

За день до событий на мельнице к Балыкову заехал дядя помола зерна дядя Ютин. Щепинский мельник, приветливый и добрый человек, не очень радостно встретил его. Здороваясь, из протянутой руки дяди Ютина мельник что-то получил, но этого никто не видел. Скрывшись у жерновов, он тотчас прочитал записку. Лицо его изменилось, и по нему пошли красные пятна. Когда мельник вышел, дядя Ютин спросил его:

— Молоть не будешь?

— Нет, что-то сегодня завозно,— ответил мельник.

Но на вопрос дяди Ютина: «Как живет наша племянница?» мельник вместо обычного ответа: «Хорошо живет... Все живы и здоровы», сказал:

— Плохо живет... Рыжий пудель проходу не дает... Сны разные снятся...

Дядя Ютин покачал головой, снял шапку, попрощался и медленно пошел к лошади. Брови его сдвинулись, он задумался. Его предупредил мельник... Нехорошо с племянницей. Немцы что-то замыслили, может, пронюхали. Не сказал ли чего-нибудь предатель Байков? Как

бы не получился провал? Но, подъезжая к деревне, дядя Ютин снова принял беззаботный вид.

Он ходил в худой одежде, в рваных, стоптанных валенках, подвязанных веревкой и проволокой. Заплатанный армяк дядя Ютин подпоясывал лыком. У него была большая дородная борода, живые карие глаза на широком заветренном лице. Опирался он на суковатую палку.

Он поселился поблизости от Грулевского леса, под видом эвакуированного колхозника не то из Белоруссии, не то из Смоленской области. Перед самой оккупацией Островского он получил взаимопомощь из района — корову. Вскоре к нему приехали дети: дочь-швея и мастеровой человек, племяш Ваня. Дети были взрослые, комсомольского возраста.

Жена дяди Ютина вечно болела. Сухонькая старушка с жиденькими седыми косичками, она досмерти боялась махорочного дыма и кухонного чада. Однако постоянно возилась у русской печи. Охая и вздыхая, она часто вспоминала потерянные родные места, где они будто жили в приволье и полном довольстве. Местные колхозники верили рассказам седенькой старушки и сочувствовали дяде Ютину.

В колхоз он был принят без всяких возражений, а к моменту прихода немцев колхозники считали его своим.

Когда в деревню пришли немцы, в избе дяди Ютина, на постое, они побыли недолго. Старушка не давала им житья. Она ночами стала стирать разные тряпки, напустила в избу такого чада, что немцы угорели. Унтер чуть не убил старушку, но она храбро отбилась от него кочергой. Немецкие солдаты на следующий день сказали: «Сумасшедшая старушка!» и перебрались на другую квартиру. Унтера, который грозил повесить старушку, неожиданно перевели в другую деревню. Тем и спаслась жена дяди Ютина.

Сам дядя Ютин в выкуривании немцев не принимал никакого участия. Он вообще ничем себя не выказывал.

Только брови у дяди Ютина стали сдвигаться суровой да глаза блестели сильнее, чем прежде. С приходом немцев он стал чаще отлучаться из деревни. То дяде Ютину был нужен картофель — и он шел за ним в соседнюю деревню, то крайность подошла с мукой — и он с двумя килограммами ржи ехал на щепинскую мельницу.

Встретив колхозников, дядя Ютин остановил лошадь и поздоровался.

— Ездил на мельницу, да не смолот проклятый мельник, — ругался он. — Зря потратил день. Ох, и дела твои, господи! Хоть с голодухи пропадай!..

Колхозники сочувствовали. Им и самим до крайности нужно было смолоть зерно, да немцы отбирали муку.

В деревне колхозники к дяде Ютину относились с уважением, к его голосу прислушивались. Председатель колхоза Демичев, степенный, хозяйственный старик, часто разговаривал с ним. Сближение с председателем Демичевым произошло не сразу. Старик терпеливо наблюдал за дядей Ютиным. С приходом немцев Демичев заметил неожиданную перемену в семье дяди Ютина. Куда-то исчез племянник — веселый гармонист Ванюша, ушла дочь. Хоть и старался дядя Ютин объяснить старику Демичеву, что Ванюша — мастеровой человек, ушел в город, на завод, там и работает, но тот не поверил ему.

— Ну, а дочка где? — поинтересовался Демичев.

— Дочка? — замялся дядя Ютин. — Дочка в работы ушла...

Демичев кашлянул, покрутил кончик тоненькой бородки и усмехнулся.

— Ты, дядя Ютин, не обходи нас, колхозников, — сказал уже строго председатель, — все мы знаем... Знаем, что Ванюша твой выпускает газету, а дочь — в партизанах... Но не подведем тебя и не выдадим немцам. Думаешь, легко нам было потерять советскую

власть?.. Ведь словно душу вынули у нас гитлеры проклятые!

С тех пор и сошелся дядя Ютин со старым Демичевым, а потом стал обрастать колхозным активом, помощниками. В деревне создан был отряд обороны.

...Дядя Ютин не успел завернуть лошадь к дому, как его встретил за углом председатель Демичев и шепнул ему:

— Сегодня, к вечеру, зайду!

Вечером, только стало смеркаться, со стороны огородов, окольным путем, к дяде Ютину пришел председатель колхоза. Не снимая шубы, откинув только полы, он подсел к дяде Ютину и закурил. Разговаривали тихо, на условном языке, которого и старушка не понимала.

Дядя Ютин начинал первый:

— Привет вам передавали Иваны... Муки им надо, хлеб не из чего печь...

Старик Демичев теребил жиденькую бородку.

— Куда же теперь пойти? Нешто к елкинским?..

— Можно к елкинским или к фроловским, — советовал дядя Ютин.

— Нет, пойду-ка я в Грузди, — вдруг оживлялся Демичев.

— Ну вот, в Грузди! Далась тебе Грузди! Иди уж лучше в Елкино, там псов поменьше... В Грузди уж лучше я сам схожу. Ко мне никакая собака не привяжется. Я их умею обходить.

На том и решили, что Демичев отправится в Елкино, а дядя Ютин — в Грузди.

Но итти дяде Ютину не пришлось.

В полночь к нему два раза тихонько постучали, как бы невзначай. Дядя Ютин торопливо юркнул к окну и, облокотившись о широкий подоконник, крикнул:

— Чую... Сейчас доспею!

Окна в избе были завешены, но огня из-за предо-

сторожности дядя Ютин вздуть не стал. Накинув на плечи старую домотканную двухбортную чуйку, он вышел во двор и приоткрыл калитку.

— Ты ли, племянница?— спросил осторожно.

— Я, дядя Ютин. Впусти скорей!— услышался приглушенный женский шопот.

Калитка скрипнула, и во двор проворно шагнула закутанная в шерстяной платок женщина. Она была в легком летнем пальто и ботиночках. О том, что племянница придет в полночь, дядя Ютин был предупрежден мельником. Его смутило летнее пальто, ботинки и накиннутый наспех платок.

— Валентина Павловна, голубушка, что-нибудь случилось?— закрывая засовом калитку, засуетился дядя Ютин.

— Тише... После расскажу. Что тут у вас?

— Ой, и не говорите! Немцы подались в другую деревню. Ограбили нас дочиста. Корову у меня увели. Кур всех прикончили. Людей покалечили. Двух стариков повесили. Колхозницу Марью Тимофеевну унтер застрелил. Колхозника Данилкина хотели живьем закопать, да народ отстоял, не дали. Пять домов сожгли и ушли.

Они вошли в избу. В избе было жарко, и Валентина Павловна отогревалась у печки. Разговаривали шопотом. Дядя Ютин сообщил, что немцы по радио грозили уничтожить отряд Шести Иванов. Валентина Павловна подняла голову, и улыбка скользнула по ее лицу.

— Еще бы им не грозиться! Отряд застрелил немецкого полковника и захватил штабные документы,— сказала она с гордостью.

Дядя Ютин предупредил Валентину Павловну, что опасность возросла, нужно быть настороже. Сведения, которые он получил, были далеко не радостны. Немцы разгромили партизанскую медицинскую базу и пекарню. Продовольствие партизанам доставляют сейчас

колхозники, и дяде Ютину приходится об этом заботиться самому. Партизанские отряды потеряли четырех человек, замучена Шура Воронова. Из отряда убежал предатель Байков. Немцы его взяли к себе шпионом. Отряд Шести Иванов в опасности.

Валентина Павловна нахмурилась, обхватила голову руками и прошлась по избе. Отряд надо предупредить сейчас же. Она накинула на голову платок и стала надевать пальто. Дядя Ютин остановил ее:

— Нет уж, милая племянница, так я тебя не пушу... На-ка, надень валенки да шубейку, да вот платок моей старушки...

Валентина Павловна оделась тепло и, не отдохнув после побега с мельницы, вышла в глухую полночь в Грулевский лес.

6. ОТРЯД ШЕСТИ ИВАНОВ

Этот лес Иваны избрали своей базой. Он был мелкий еловый, перемешанный с березняком, осинником, орешником и кустами рябины и черемухи. Лес тянулся небольшими перелесками, рощами, дачами, с большими голыми плешинами, на которых, как грибы, росли маленькие деревушки по десять-пятнадцать домиков, крытых дранкой и соломой.

С приходом немцев в деревушках воцарилась мертвая тишина. Не видно резвящихся ребят, не слышно собак. Исхудалые, облезлые кошки хоронились в лесах. Не стало кур, гусей, уток. Даже крикливые галки боялись садиться вблизи мертвых деревень. Словно страшная чума прошла по деревням и все вымерло. Среди этого запустения в лесу жили Иваны. На базе была довольно вместительная землянка — «жилуха», склад вооружения и продовольствия.

Партизанский отряд Шести Иванов состоял из мо-

лодежи. Это была дружная семья старых и молодых комсомольцев.

Комиссар отряда Иван Петрович Бобылев считал себя старым комсомольцем: ему исполнилось двадцать пять лет. Он имел несколько специальностей: тракторист МТС, слесарь-инструментальщик, шофер автомашины «ЗИС». Без отрыва от производства он окончил курсы при аэроклубе и готовился стать военным летчиком. Образ отважного летчика Валерия Чкалова долго не давал покоя Ване Бобылеву. Хотелось быть, как Чкалов, смелым и сильным. Хотелось совершить какой-нибудь знаменитый перелет, преодолеть не один, а оба полюса.

Но мечта не сбылась. Призывная военная комиссия зачислила Ваню Бобылева в автобатальон. Сначала было грустно, что не пришлось стать летчиком, но вскоре Ваня понял: совершать подвиги можно не только в воздухе, но и на земле. Он отбывал действительную военную службу в Красной Армии на Дальнем Востоке. Потом вернулся к себе в деревню Шилово. Когда Островскому району угрожала оккупация и колхозники и советская интеллигенция организовывались в партизанские отряды, Бобылев ушел в молодежный отряд. За короткий срок он обучил партизан подрывному делу, минированию мостов и дорог, действиям с гранатами, стрельбе из ружья и автомата. Энергичный, смелый, он скоро стал пользоваться большим уважением и любовью партизан, и отряд выбрал его своим комиссаром. Когда к партизанам пришел командир, отряд был уже готов к боевым операциям.

Про командира партизаны сказали: «Пришел шестой, Старый Иван». Теперь в отряде вместе с Ваней Бобылевым было уже пять молодых Иванов. В отличие от молодежи комсомольцы прозвали командира «Старым Иваном», хотя было ему не больше сорока лет. С тех

пор за отрядом и утвердилась своеобразная кличка — «Отряд Шести Иванов».

Из трех партизанских отрядов, действовавших в Островском районе, отряд Шести Иванов считался самым энергичным и деятельным. Не проходило дня, чтобы партизаны этого отряда не обстреляли вражескую автомашину, не взорвали мост, не перерезали кабель, не подстерегли в засаде немецкий грабьотряд.

Район действия партизан находился в стороне, за несколько десятков километров от базы. Отправляясь на боевые операции, Иванам приходилось совершать длительные походы, которые затягивались на три, на пять дней.

Особенно участились вылазки отряда Шести Иванов в начале ноября, когда фашисты стягивали всю свою технику и многочисленные полки к Москве.

По большакам и проселочным дорогам, рыча, ползли танки, броневики, лязгали широкими гусеницами тягачи. За ними тянулись дальнобойные орудия. Их широкие стальные жерла блестели и были как бездонные колодцы, в которых — пропасть и смерть. Беспреданно шли грузовики, набитые немецкими солдатами, вооруженными автоматами и пулеметами. Орудия, закованные в стальную броню танки и автомашины двигались на Москву.

Устоит ли Москва?

Здесь, в Грулевском лесу, под зеленеющими елями, в тылу врага, партизанам очень хорошо было видно, какая смертельная опасность надвигалась на красную столицу. Грохот вражеских машин, лязг гусениц больно отдавались в сердцах. Росла ненависть, росли отвага, смелость, решимость умереть, но не пропустить врага в родную Москву. В эти памятные дни партизанский отряд комиссара Бобылева получил боевой приказ:

«Крушить вражескую технику, уничтожать живую силу неприятеля! Не дать фашистам подтянуть резервы к Москве!»

Иван Бобылев созвал партизан у землянки и рассказал им о предстоящей операции. Плотным кольцом стояли хмурые и молчаливые партизаны. Сумрачное небо все ниже опускалось над лесом. Оловом поблескивали затянутые слабой кромкой льда лужи. Дул холодный ветер. Иван Бобылев спокойно говорил:

— Товарищи партизаны, мы внуки тех самых русских чудо-богатырей Иванов, которые волшебной дубинкой побили лютого Змея Горыныча — гидру о семи головах. Теперь змей посильнее. Прикиньте, сколько у этой гидры голов? Тут и итальянская, и румынская, и финляндская, и испанская, и венгерская. Змей Горыныч решил вонзить свое жало в родную Москву. Москва — наше сердце. Товарищи партизаны, обнажим свои дубинки, начнем крушить гидру, как подобает внукам русских Иванов, чудо-богатырей!

Речь комиссара Бобылева пришлась партизанам по душе и подняла в них решимость беспощадно «крушить гидру».

Поход был назначен на полночь. Два часа полагалось на отдых.

В землянках стихло. На широких нарах расположились люди. Катя Малышева решила не отдыхать. Она помогала комсомолке Нюре Петровой готовить обед.

Разрумяненные, в белых косынках и чистых передниках, они возились у плиты, стараясь не шуметь, чтобы не мешать партизанам. У Кати выбились на лоб золотистые прядки волос. Черные глаза блестели. Увидев партизана Ивана Мишина, она сказала ему вполголоса:

— Техник, что не спишь?

— Я, Катенька, на ходу привык спать, — ответил он шутливо.

Ваня Мишин, старый комсомолец, техник дорожного строительства и кондовый уралец, в походах был неутомим. Он вырос среди больших лесов, там, где те-

перь дымят заводы «Востокстали». Дороги на эти заводы среди густых нетронутых лесов прокладывал он, Ваня Мишин. И он гордился этим, гордился своим Уралом.

— У нас на Урале леса синие, а реки холодные, и до чего же чистые и светлые — как полированное стекло! — говорил он.

Только год, как Ваня Мишин покинул Урал, но так же дороги стали ему теперь и леса Подмосковья. Он любил бродить лесными тропинками, наблюдать, как в хвойных зарослях прыгают хлопотливые желтоголовые корольки и звонким покриком на их щебетанье отзываются маленькие игривые синички-московки.

На нарах возле Мишина лежал комиссар Ваня Бобылев. Он укрылся было шубой, хотел заснуть, но не смог. Сбросив с себя шубу, он спросил Мишина:

— Ваня, а ты уверен, что в деревне Кашино у немцев база с горючим?

— Отруби мою техническую голову, если это не так, — уверенно ответил Ваня.

Комиссар приподнялся на локте и посмотрел на Ваню в упор.

— Чорт возьми, тогда надо завтра с ней посчитаться.

В одиннадцать часов партизаны были уже на ногах. К этому времени готов был ужин. Ваня, обжигаясь горячим чаем, вышел из землянки и поставил кружку на лед, чтобы остудить. В лесу было темно; лохматые снежные облака плыли так низко, что, казалось, задевали макушки деревьев. «К утру пойдет снег», подумал Мишин.

Когда партизаны вышли из землянки, командир отряда, собрав их в кружок, предупредил:

— Товарищи, предстоят серьезные операции. Требую строжайшей дисциплины и образцового порядка! Враг коварен и зол, он подстерегает нас на каждом шагу!

Партизаны захватили с собой мины и по двести патронов на человека. Пулеметчик Володя Круглов нагружился пулеметом. Бобылев и Мишин взяли автоматы.

Шли сторожко, цепочкой. Впереди комиссар Ваня Бобылев, за ним Ваня Мишин, пулеметчик Володя Круглов. Цепочку замыкали Старый Иван и остальные трое Иванов. Катя Малышева и Нюра Петрова шли в середине цепочки.

К утру завьюжило, лес шумел, вышало много снега. Ели приоделись.

— Партизанская погодка! — сказал Бобылев.

— Наша погодка, товарищ комиссар! — отозвался кто-то из партизан.

Уже светало, когда отряд подошел к большаку. Дорога вела к фронту. Немецкий фронт продвинулся за Волоколамск, к Истре.

— Мишин, выйди на дорогу, послушай: кажется, машины шумят, — приказал комиссар.

Мишин быстро скрылся. По дороге к деревне шли немцы. Он опознал по звуку — двигалась колонна мотопехоты в сопровождении бронемшины. Колонна замешкалась у деревни. Партизаны воспользовались этим и заминировали дорогу в нескольких местах.

Стало совсем светло, когда в отряд прибежали партизаны Пырен и Хмурин. Они запыхались, брови их побелели, лбы запотели.

— Товарищ командир, товарищ комиссар! — заторопились они. — С другой стороны деревни идет штабная машина!

Пять партизан вместе с комиссаром Бобылевым спешно направились навстречу штабной машине и затаились у дороги. Бобылев высунулся из-за куста и, приподнявшись на носки, посмотрел в бинокль. По дороге шла новенькая, блестящая лаком машина. Два

немца сидели впереди. Стекла были затянuty занавесками. Машину сопровождали три мотоцикла и еще одна легковая.

— По всему видать, важная птица едет, — прошептал Ваня Мишин.

Комиссар окинул взглядом затаившихся у кустов партизан.

— Товарищи, спокойствие, без команды не стрелять, — предупредил он.

Машины, мягко покачиваясь на рессорах, быстро приближались. Вот наконец прошла первая легковая. До штабной осталось метров двадцать, когда комиссар скомандовал:

— Огонь!

Короткая очередь автоматов. Зазвенели стекла. Потеряв управление, машина круто свернула в сторону и застряла в обочине. Два немца-мотоциклиста открыли стрельбу. Ваня Мишин пустил несколько коротких очередей из автомата, и стрельба стихла. Штабная машина была изрешечена пулями. Комиссар подбежал к ней, открыл дверку, вытащил портфель и кожаную полевую сумку с документами. Партизаны подобрали два автомата. В машине, неестественно вытянувшись, сидел мертвый полковник.

— Это тебе за Шуру, собака! — сказал Мишин и плюнул в сторону машины.

Пять партизан скрылись. Не успели они углубиться в лес, как раздался один за другим два оглушительных взрыва.

Бобылев остановился, прислушался.

— Мотоколонна напоролась на наши мины, — сказал он.

Пять партизан вместе с комиссаром спешили соединиться с отрядом. Они прошли небольшую рощицу молодых берез и осин и завернули в заросли елей и сосен. В густом орешнике, в просвет между ветвями, они увидели остальных партизан. Отряд поджидал их.

Командир Старый Иван был доволен операцией. Мотоколонна, наскочив на мины, повернула обратно. Были подорваны броневик и две грузовые автомашины с немецкими солдатами. Стрельба по штабной машине нагнала на немцев панику.

— Поработали мы славно! — сказал, довольно улыбаясь, Старый Иван.

Он отозвал комиссара в сторону, и они долго и горячо о чем-то говорили.

Комиссар подошел к партизанам. Негромко, почти торжественно он объявил:

— Командование отряда решило совершить сегодня ночью нападение на базу горючего в деревне Кашино. Наша задача, товарищи партизаны, состоит в том, чтобы предать огню все немецкие базы горючего. Пусть стоят без бензина фашистские броневики и танки! Они до Москвы не дойдут!

Когда приказ был отдан и партизаны двинулись в путь, Мишин не знал: правильно ли он сделал, настаивая перед комиссаром на немедленной ликвидации кашинской базы? Кашино расположено далеко, на самом краю района. Предстоял дальний путь. Люди не спали ночь, устали. Может быть, нападение на базу надо отложить до следующей ночи? Но комиссар был упрям. Партизаны шли молча. В лесу было много снега, вьюга не унималась. Кое-где намело сугробы. Зима ложилась плотно и надолго.

Под вечер партизаны ускорили шаг. Смеркалось, и можно было не опасаться: с наступлением темноты немцы боялись оставаться в лесу.

Мишин шагал рядом с Бобылевым. Он втихомолку потешался над Катей Малышевой: широко расставляя ноги в больших валенках, она неловко переваливалась с ноги на ногу.

— Будет уж тебе ехидничать, — обиженно сказала она, услышав, что Ваня сравнивает ее с гусыней. — Сам как медведь ходишь, недаром Мишиным кличут...

В полночь партизаны достигли деревни Павловской. Здесь немцев не было. Колхозники наперебой зазывали к себе партизан на ужин и отдых.

Первой навстречу партизанам выбежала колхозница тетка Анисья.

— Желанные вы наши, ко мне заходите! — приглашала она партизан.

— Не оставьте и меня! Хоть парочку ко мне! — просил Петр Пахомыч, колхозный сторож.

Партизаны разместились в колхозных домах. Колхозники угощали их, чем могли. Некоторые откопали из ям мясо, картофель и приготовили сытный ужин.

Комиссар послал разведку в деревню Кашино. Надо было установить точно, где именно расположена база горючего и сколько в деревне немцев. Скоро разведка вернулась вместе с кашинским колхозником, которого хорошо знали многие партизаны. Он рассказал:

— Немного их, гитлеров-то, — только что на базе, а больше нет.

Передохнув, партизаны направились в Кашино. Они подошли с двух сторон и окружили дом, где помещалась база. В стороне, на случай обстрела, партизаны расставили посты. У дома стояла машина, нагруженная бочками бензина. Партизаны решили подождать — может, выйдет кто-нибудь к машине. Но прошел час, другой — никто не показывался. Мишин, потеряв терпение, бросил булыжник в окно дома. Полетели осколки. Но опять ни души. Что за чорт! Наконец комиссар Бобылев крикнул:

— Выходи, хозяин! Забирай старуху!

Дверь, протяжно скрипнув, открылась. На крыльце показался старик. За ним, семеня, вышла старуха.

— Отойдите подальше, чтобы вас не поранило, — скомандовал комиссар.

В доме попрежнему царил тишина. Немцы, испу-

гавшись партизан, запрятались под пол и затаились, как крысы.

— Приготовь гранаты! — крикнул Бобылев.

Две гранаты партизаны метнули в окно. Выскочившие во двор немцы открыли стрельбу. Навстречу им бросились Володя Круглов и Ваня Мишин.

— Заговорили, фашистские живоглоты! — закричал Ваня, на ходу разряжая в немцев автомат.

Уцелевшие фрицы бросились под амбар, где стояла груда бочек с бензином. Володя Круглов взмахнул гранатой, она попала в бочки. Раздался взрыв, вспыхнуло пламя, огромный столб дыма поднялся к небу. Ваняча граната полетела к амбару, там рвались и вспыхивали бочки.

Два Ивана — Хмурин и Пырен — действовали на улице. Они бросили в кузов машины бутылку с горючей жидкостью. Яркое пламя охватило бочки. Каждый раз, когда лопалась и рвалась новая бочка, огромные клубы огня подпрыгивали вверх. Потом запылала вся машина. Теперь горело все кругом: в доме, во дворе, на улице. Густые клубы дыма закрыли маленькую деревушку.

Когда партизаны спускались к яру, воздух потряс еще один оглушительный взрыв. Видимо, в землю была зарыта большая цистерна с бензином, которая теперь и взорвалась. Партизаны долго стояли в лесу, наблюдая за багровым столбом пламени. Вьюга утихла, из-за лохматых снежных облаков показался молодой рогатый месяц, потом выплыл хвост Большой Медведицы. Вдруг где-то сзади щелкнул выстрел, застрочили автоматы, по лесу засвистели пули.

— Немцы идут по нашим следам! — крикнул Иван Хмурин.

— Спокойно, товарищи. Мы им устроим пляску на поляне! — сказал комиссар Бобылев.

Партизаны с двух сторон окружили поляну и затаились за деревьями, за сугробами снега и кустами.

8. ПРЕДАТЕЛЬ

В немецком штабе в угловую комнату, посредине которой стоял круглый стол, а по бокам три дивана и кресло, вошли толстый офицер и рыжий переводчик Хайнц. Офицер был мертвенно бледен. Лицо его не выражало ничего, кроме испуга. Губы вздрагивали, и кожа на лице подергивалась. Он тупо смотрел в дальний угол комнаты.

— Когда получено донесение о разгроме кашинской базы горючего? — спросил он.

— В девятнадцать ноль-ноль, господин капитан!

— Зовите этого... — Он небрежно кивком головы показал на дверь.

Переводчик, приоткрыв дверь, крикнул:

— Рус, может входить!

Робкими шагами, на цыпочках, вошел Байков и остановился у стола против офицера, сняв шапку и опустив руки по швам. Мокрый, выпачканный в грязи, саже, пуху, в трухе сена и соломы, он напоминал мокрицу, только что вылезшую из сырого угла, покрытого плесенью. Да, он, как мокрица, лазил и обнюхивал все углы Посадского Становища вместе с немецким грабьотрядом. Теперь его вызвали в штаб к капитану особой службы. Даже штабной офицер не мог смотреть на него иначе, как с отвращением. Капитан побарабанил по столу короткими жилистыми пальцами.

— Господин Байков, — сказал офицер, глядя мимо Байкова в пространство, — немецкое командование хорошо оценило ваше услужение. Вы назначаетесь старшиной Посадского Становища.

Байков раболепно согнулся.

— Но... — тут капитан остановился и, неожиданно повысив голос, закричал: — нам известна ваша служба в партизанском отряде! Но, — капитан снова понизил голос, — мы милостив... Вы можете испугать свою виноватость!

Офицер положил руки на поручни кресла и откинулся на спинку.

— Вам знаком район действия партизан. Вы можете проводить нашу роту особой службы и сделать капут Шести Иванам?

Байков съежился и побледнел. Он боялся Иванов, как огня, дрожал, как осиновый лист, когда упоминалось это имя. Не так-то легко поймать их. Он знал комиссара Бобылева, Старого Ивана — командира, уральского техника Ивана Мишина. Коренастый, плотный, с медвежьими ухватками, Мишин наводил страх одним своим видом. А крестьянски-хитрая улыбка комиссара Бобылева приводила Байкова в трепет. Цепкий, жилистый, с тяжелыми рабочими руками, Иван Бобылев автоматом словно косой косил.

Офицер, увидев в глазах Байкова животный страх, презрительно нахмурился.

— Запомните: не будет головы Иванов — будет ваша голова!

И, поднявшись так резко, что кресло скрипнуло, капитан ушел.

Байков часто заморгал воспаленными глазами. От него требовали невозможного. Он это сознавал. Легко было предать Шуру Воронову, налгать на нее. Ведь это он рассказал, будто она организатор подпольной типографии, будто она печатала газету и разчосила ее по колхозникам. Немецкое командование выпустило ложное объявление, что пойманы организаторы подпольной типографии и газета уничтожена. Потом он открыл фашистам медицинскую базу и пекарню. Это тоже было легкое дело. Базу охраняли всего четверо партизан. Правда, они оказали упорное сопротивление, уложили восемнадцать фашистов и умерли геройски у стен базы. Затем он предал Смирновых; немцы их повесили вместе с детьми.

Он грабил с фашистами колхозное добро, вытаски-

вал кур, гусей, уток, запрятанные в подвалах пуховые перины, подушки, одеяла. Он дочиста обирал колхозников, издевался над мирными односельчанами, возводил на них самые чудовищные обвинения. Все это было для него привычным делом.

Кулацкий сын, он долго не появлялся в своем районе. Шли слухи, что где-то на стороне он воровал, грабил, ходил в бандитах, несколько раз сидел в тюрьме. Но перед войной он снова приехал в район и устроился истопником в школу. Вел себя так скромно, что всякая подозрительность к нему как-то стерлась, забылась. Было не до прошлого кулацкого сына Байкова. Народ поднимался на священную войну, люди уходили в партизанские отряды. И Байкова неожиданно потянуло к партизанам. Но жить в сырой дымной землянке, подвергаться каждодневно опасности, терпеть лишения, стоять на холоде, на ветру, караулить врага было не в его характере. Что связывало его с партизанами?

В одной из стычек с немецким грабьотрядом он с поднятыми руками перешел на сторону фашистов. Он знал, что немцы от него потребуют предательства, большого и малого. Что ж! Теперь он сможет отплатить и за себя, и за отца.

Но он был жулик и трус. Он не предполагал, что предательство связано с опасностью и риском. Гоняться за Иванами — большой риск. Среди белого дня Иваны смело и отважно уложили начальника штаба, перед которым дрожали не только немецкие солдаты, но и офицеры. Они забрали штабные документы и исчезли. Они взорвали автоколонну, и десятки немцев взлетели на воздух. Иваны обстреляли аэродром, который охранялся денно и ночью.

Байков видел, как героически держала себя смелая разведчица этого отряда Шура Воронова. У него до сих пор горит щека от удара этой девушки. Даже обросшее предательствами и преступлениями байковское сердце содрогнулось при виде мужественной смерти Шуры.

Опасно связываться с Иванами!

Байков вздрогнул от окрика прибежавшего унтера.

— Шнель!.. Шнель!.. Господин Байков! — скомандовал унтер.

Байков вместе с ним вышел на широкий двор. Там уже стояло несколько открытых грузовых машин, заполненных вооруженными солдатами. Байков забрался на первую машину, забился в угол кузова и, сгорбившись, затих. Немецкие солдаты отвернулись от него, перешептываясь между собой. Байков сидел, затаившись, в углу, чуждый и чужой всем.

Вздрогнули и затарахтели моторы; машины рванулись и покатались в поле. По сторонам завизжал холодный ветер; завихрилась, поднялась клубами мелкая пыль. Запах бензина лез в нос, и от него Байкова тошнило.

Машины пролетели пять-шесть километров, миновали несколько деревень и остановились на взгорке. Байков увидел зарево пожара. Оно разрасталось, и клубы дыма и огня поднимались все выше. Снег от этого зарева казался красным, а облака — румяными, как поджаренная корка на белом хлебе. С новой силой взрыв потряс воздух, новые клубы огня и дыма поднялись еще выше. Нестерпимо запахло перегаром бензина.

— Да ведь это Кашино... Кашино горит! Немецкая база горючего! — повторял про себя Байков. Он понял, что это работа Иванов. Они подожгли базу с бензином.

Унтер громко подал команду, и солдаты роты особой службы высыпали из машин на снег.

Построившись полукругом в цепь, они стали охватывать с двух сторон пылающее Кашино. Байков бежал за унтером, как собака за своим хозяином. У него не было ни ружья, ни автомата, ни пистолета; его роль — вынюхивать, искать и шарить следы. У оврага

он остановился, напав наконец на следы. Байков показал их унтеру: ясно, партизаны оставили деревню и скрылись в лесу.

Рота повернула на свежие следы. Байкова пустили вперед. За ним бежал унтер, а дальше цепочкой — солдаты. Спотыкаясь о кочки и пни, натываясь на кусты и ветви деревьев, солдаты отставали, падали и снова поднимались. Рота особой службы растянулась. Но вот щелкнул выстрел. Он оказался случайным: кто-то не поставил затвор на предохранитель, и винтовка при падении эсэсовца выстрелила. Но рота залегла и открыла ураганный огонь. Прочесывался каждый кустик и весь лес кругом. Но никто не отозвался на стрельбу роты особой службы. Лес словно замер, эхо последнего выстрела затихло в кустах.

Унтер поднял цепь, подровнял солдат, и рота двинулась дальше. Следы вели в глубь леса, потом заворачивали на широкую поляну. Редкие кустики торчали из-под снега. Байков шел, воровато оглядываясь по сторонам. Было слышно, как скрипел снег под ногами, как тяжело дышали уставшие эсэсовцы.

Рота вышла на поляну. Передние уходили в лес, а задние только вступали на поляну, когда с двух сторон грянула дробь пулемета и автоматов. Они застрочили неожиданно. Послышались крики, стоны. Фашисты в панике заметались по заснеженной поляне, автоматы и пулемет строчили безумолчно.

Задние в панике бросились обратно, передние залегли в лесу, а средние гибли под огнем партизанской заставы. Рота особой службы была расчленена на три части, и если бы у партизан имелось достаточное количество патронов, от нее не осталось бы ни одного человека. Но огонь постепенно ослабевал, потом прекратился совсем.

Взбешенный унтер без толку кричал на убежавших эсэсовцев. Но их трудно было остановить. Байков ле-

жал за деревом и дрожал, лязгая зубами, как волк в капкане. Такое же чувство испытывали и эсэсовцы. Продолжать путь было невозможно. Унтер скомандовал отступление. Эсэсовцы бежали из лесу без оглядки, побросав оружие, убитых и раненых. Убегал вместе с немцами и предатель Байков.

9. КАШИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

С рассветом рота особой службы вступила в деревню Кашино и построилась на площади. Унтер обошел ряды и пересчитал эсэсовцев. Состав роты заметно поредел, недосчитывалось больше половины. Многие ранены, но большинство убито в стычке с партизанами.

Унтера бесила неудача. Он устало дышал, глаза налились кровью, лицо пылало злобой и ненавистью. За ночь он охрип.

— Ефрейтор Бауэр!

Явился рослый, костистый эсэсовец и, приложив руку к головному убору, вытянулся перед унтером.

— Ефрейтор Бауэр, в штаб! — приказал унтер.

Рота особой службы ждала новых распоряжений. Весь день падал снег, хмурые облака висели над деревней. На месте сожженной базы все еще курились головешки, иногда вспыхивало пламя. В Кашине водворилась тишина, как перед грозой. Жители попрятались в домах.

Через два часа мотоциклист ефрейтор Бауэр вернулся из штаба с приказом. Унтер прочитал пакет и вдруг приосанился, покрутил рыжие усы и поднял голову. Капитан из штаба благодарил унтера за операцию, а немецкое командование приказывало искать партизан в самом Кашине. Как искать партизан в деревне,

унтер прекрасно знал. На этот счет он имел богатый опыт. Искать партизан в деревне — это не то, что в лесу. К тому же был день.

Унтер, сверкнув злобными глазами, прошел на площадь. Отсюда была видна вся деревня, притаившаяся у оврага. Домики, стоявшие, как строй солдат, тянулись двумя шеренгами по обе стороны дороги.

Унтер наметил план действий. Он разбил роту на три взвода. Два взвода тотчас же обхватили прямую улицу с обоих концов. Третий взвод оцепил площадь. Воевать эсэсовцам с мирным населением было легко и привычно. Они осаждали один дом за другим и выгоняли из них всех, даже древних старух, стариков, детей. В деревне поднялись вопли, крики, стоны.

В крайней избе лежала горбатая старуха Евдоха. Десять лет она не поднималась с постели: болела. Фашисты выволокли ее на улицу, подняли на штыки и бросили в снег.

Из хаты за овражком, где проживал скрюченный параличом сапожник Афоня, не владевший ни ногами, ни руками, немцы выгнали малолетних детей, босых и раздетых. Самого Афоню фашисты обмотали веревками и волоком по заснеженной дороге притащили на площадь. Когда старческое лицо сапожника окаменело и глаза стали мертвыми, ефрейтор Бауэр, тот самый, что привез страшный приказ командования, подошел к сапожнику и пнул его ногой. Старик свалился в ров.

Оказать сопротивление фашистам смог только худой, поджарый, с провалившимся животом, остроносый шорник Никита. Он долго упирался. С площади шорник бросился было бежать домой. Но немец-автоматчик короткой очередью скосил шорника. Никита взмахнул руками, как аист крыльями, и грохнулся лицом в снег. Эсэсовцы дружно расхохотались.

Когда все кашинцы были согнаны на площадь, цепь эсэсовцев сомкнулась. По углам площади были выстав-

лены пулеметы. Кашинцы оказались в замкнутом кольце.

Тогда в деревне начался грабеж. Из окон и дверей изб полетели подушки, одеяла, шубы, валенки, домотканые полотна, посуда, самовары. Вытаскивались сундуки, выкатывались из подвалов кадки с капустой, огурцами, грибами; забиралось зерно в мешках, картофель; выгонялся из хлевов скот. Солдаты ловили кур, гусей, уток. Когда им не удавалось это, они давали короткие очереди из автоматов, и птица падала, как подкошенная.

Стрельба, кудаханье кур, гоготанье гусей, бляенье овец, плач и стоны кашинцев на площади сливались в какой-то дикий гул. Из толпы вскрикивали:

— Николкину избу потрошат!.. Филимона ограбили!.. У Тимофея Карпова сундук тянут!.. Боже мой, вдову Пелагею обокрали!..

Люди рвались к своим домам, своему добру, чтобы защитить их от наглых бандитов. Но если кто-нибудь вырывался из толпы, его останавливала короткая очередь автомата. Эсэсовцы стреляли хладнокровно, спокойно, методично, точно упражнялись на полигоне. Они подпускали бегущего шагов на десять и расстреливали в упор. И люди валились, как подрубленные деревья, плашмя на снег, раскинув руки.

Перед толпой, застывшей и омертвевшей, валялось несколько трупов. Кровь пятнами разошлась по снегу.

Унтер спокойно переступил через эту кровавую полосу и, окруженный эсэсовцами, шагнул к толпе. Но люди шарахнулись от него: в нем они видели палача, обagrившего руки их кровью. Лающим голосом он крикнул:

— Кто есть партизаны?.. Выходи!

Кашинцы замерли. Ни одного партизана среди них не было. Унтер повторил приказание. Никто из толпы

не шевельнулся, не тронулся с места. Тогда унтер закричал на предателя Байкова:

— Сколько партизан было в дорфхауз? Вы точно узнали?

Байков раболепно опустил на колени.

— Двадцать пять... Христом-богом клянусь! Двадцать пять! — пролепетал предатель.

Тяжелый вздох вырвался из толпы. Эсэсовцы, как по команде, подняли автоматы. Но толпа уже молчала. Унтер оглядел людей на площади и удовлетворенно произнес:

— Двадцать пять... Гут!

Вечерний сумрак опускался над деревней. Село в облаках красное, словно облитое алой кровью, солнце. Немцы зажгли несколько домов. Надворные постройки, крытые соломой, пылали ярко. Искры снопами поднимались в воздух и падали на снег. На площади была приготовлена виселица, и двадцать пять веревок с повязанными петлями спустились с перекладины.

В самый последний момент к месту казни подкатила грузовая машина. Двенадцать человек в рваном красноармейском обмундировании, с синяками и кровоподтеками на лицах вышли из машины. Их, избитых, окровавленных, полураздетых, немцы поставили в шеренгу друг за другом на расстоянии полутора метров от виселицы. Они стояли тихо и только оглядывались кругом, словно распознавая местность. Видимо, это были пленные красноармейцы.

К ним присоединили тринадцать колхозников, сказавших сопротивление при грабеже.

Осужденным не надевали мешков на голову и не завязывали глаз. Поставили несколько скамеек. Из двенадцати не известных кашинцам первым встал на скамейку молодой человек с пушком черных волос на подбородке. Красивые черные брови его сдвинулись, и он

посмотрел на всех пронизательным взглядом, точно разыскивая среди согнанных на площадь людей своих братьев по крови и борьбе. Когда петля была надета на его шею, он крикнул:

— Прощайте, братья!.. Отомстите за нас фашистским псам! Советский народ победит!

10. В ЗЕМЛЯНКЕ ШЕСТИ ИВАНОВ

В лесу стало тихо. Ветер замер, и деревья застыли, покрытые большими шапками снега. Собственные шаги и хруст валежника казались Вале идущими как бы изда-лека. Московские синички тревожно хлопали крыльями, пролетая низко над землей.

Настроение у Вали было подавленное. Кашинская трагедия напугала ее. Немцы в тот же день передали по радио сообщение о разгроме партизанского отряда Шести Иванов. Сообщали имена повешенных в Кашине. И среди них — комиссар трех партизанских отрядов, секретарь райкома партии Иван Полозов. Затем шли: Ваня Бобылев, Иван Старый, Ваня Мишин и другие Ивановы.

Валя считала себя виноватой. Почему она раньше не предупредила Иванов о грозящей им опасности? Теперь уж не было никакого смысла бежать в землянку и предупредить. Но Валя шла, какая-то надежда теплилась в ее груди. «Может, немцы опять спровоцировали, наврали?» думала она. Теперь она уже знала, что вся фашистская пропаганда состоит из лжи и провокации, вся гитлеровская система построена на лжи.

Это укрепляло в ней веру.

Хоронясь в зелени колючих елей, Валя осмотрелась кругом.

Землянки не видно. Но вон там, под навесом сосны, должен стоять часовой. Где он?

Валя сделала несколько осторожных шагов. Тотчас из хвои прогремел голос:

— Стой! Кто там?

С поднятым ружьем в просвете между ветвями показался человек. Валя опознала голос и человека. Это был комсомолец Ваня Волчок. Низенький, юркий, подвижной, как волчок. Кличку эту ему дали партизаны, и она хорошо подходила к нему. Звали его еще шестым Иваном — Маленьким, но редко.

Опознав Валу, Волчок опустил ружье.

— А я уж хотел было стрелять. Смотрю, кто-то крадется. — улыбаясь, сказал он.

Валя тоже улыбнулась. У нее сразу отлегло от сердца. Надежда на то, что с Иванами ничего не случилось, еще больше укрепилась в ней.

В землянке было спокойно. Ваня Волчок стал жаловаться, что стоять часовым и охранять землянку — скучное занятие. Он очень жалел, что командир и комиссар не взяли его в операцию.

В отряде Волчок слыл отменным разведчиком-наблюдателем. Сын лесника, он хорошо знал подмосковные леса, не раз пройдя их вдоль и поперек.

Тихий, застенчивый, Волчок краснел при всяком заданном ему вопросе, но при выполнении боевых операций совершенно менялся.

Он рассказал Вале о том, как вчера в сумерках его напугал зверь. Партизаны, чтобы не портилось мясо, подвешивали его на проволоке у деревьев. И вот запах мяса привлек зверя. Он стал осторожно подбираться к дереву. Но слух у Вани Волчка настолько острый, что он учуял осторожные шаги и затаился. Когда зверь, подняв острую морду с усами и длинными кисточками на ушах, стал нюхать воздух, Ваня взял его на мушку.

— Посмотрите мои трофеи, Валя, — блестя черными улыбчивыми глазами, предложил Ваня Волчок.

Валя охотно согласилась. Ваня снял подвешенную на дереве мощную, толстолапую, с мягким белесо-ржавым мехом кошку.

— Вот видите... У нее и коричневые пятна, и продолжки на хребтине... Это, Валя, рысь! Как она сюда забралась? — сказал Ваня.

Но потом он почему-то смутился, лицо его покрылось красными пятнами, и он замкнулся в себе, на все вопросы Вали отвечая односложными словами. Валя не могла понять, как это партизаны хвалили Волчка за «хорошие разговоры по телефону с немцами». Комиссар Бобылев рассказывал о нем смешные истории. Вечером Волчок неизменно появлялся в землянке отряда. Молча подходил к комиссару и, прищурив глаза, говорил:

— Прошу, товарищ комиссар, об увольнении. В ночь охота с немчурой по телефону поговорить!

Подтянутый, он становился словно выше ростом.

Ночью с двумя-тремя партизанами он незаметно подкрадывался к телефонным проводам, перерезал связь. Затем партизаны прятались где-нибудь поблизости в канавах и оврагах. Фашисты выходили поправлять телефонную связь целой ватагой, человек по пять-шесть. Партизаны близко подпускали гитлеровцев, а потом внезапно открывали по ним огонь. Это и называлось на партизанском языке «телефонным разговором с фашистами»...

Утром на командном пункте, в землянке, Волчок докладывал о проведенной операции.

— Так что... пятерку немчуры уложили, товарищ комиссар!

«Замечательный комсомолец Ваня Волчок, а все же какой-то диковатый», думала Валя.

Когда Волчка сменил другой часовой, он проводил

Валю в землянку. Здесь было тепло и уютно, пахло еловой хвоей. Валя так устала, что сейчас же примостилась на нарах. Ее одолел сон. Волчок прошелся по землянке, потом снял тулупчик и прикрыл им Валю.

Поздно, по утреннему холодку, вернулся отряд Шести Иванов. Партизаны продрогли, заиндевели, устали. Они обрадовались печке, которую натопил Ваня Волчок.

Шум в землянке, поднятый партизанами, разбудил Валю. Она не верила своим глазам. Перед ней стояли Ваня Бобылев, Старый Иван, Мишин, Катя и Нюра. И все были живы и здоровы, родные, близкие, свои. Валя бросилась обнимать всех подряд, — так она была счастлива. Впечатлений, рассказов было так много, что они проговорили все утро, пока не стало совсем светло.

Одно беспокоило партизан и Валю — где Полозов, что с ним? Ваня Бобылев настаивал на созыве подпольного комитета. Был один очень срочный и важный вопрос. Откладывать его нельзя было ни на один день. Втроем, Старый Иван, Ваня Бобылев и Валя, долго шопотом обсуждали, что предпринять, как и где найти секретаря райкома Ивана Полозова.

11. СЫН РУССКОГО НАРОДА

В лесу шел человек в шапке-ушанке, в дубленом овчинном тулупе, валенках, с автоматом, повешенным через плечо. У него было открытое русское лицо и ясные глаза с синевой. Он был плотен, коренаст, крепок, как кряж. В зарослях молодых жиденьких осин, где зайцы обглодали кору, он на минутку задержался, чиркнул спичкой, закурил и бодро зашагал дальше.

Немецкое радио дважды повесило этого человека. Один раз в деревне Кашино, на площади, подле колхозных дворов, другой — в церкви, у амвона, с группой партизан. Но человек жил и не давал покоя фашистам ни днем, ни ночью. Тогда немецкое командование оценило его голову в пять тысяч марок. Однако никто не позарился на немецкие деньги. Пришлось человеку самому обратиться в немецкий штаб с коротенькой запиской: «Приготовьте деньги наличными. Ночью как-нибудь загляну вместе с партизанами». И подписал: «Иван Полозов». Штабные офицеры после этой записки потеряли сон, а немецкий штаб на следующий день спешно перебрался в другую деревню, чтобы не встречаться с этим страшным для фашистов человеком. В отряде Шести Иванов его называли отцом, партизаны его любили.

Он был комиссаром трех партизанских отрядов, оперировавших в Островском районе.

Иван Полозов шел в Калиновую рощу, где его ждали щегловские партизаны. Все чаще по пути попадались голые калиновые кусты. Это были знакомые, хоженые места. Он вспомнил, как, приехав секретарем райкома партии в Островское, свой первый путь по району начал из Калиновой рощи. Тогда было лето. В роще наливалась и поспевала ягода; калиновые кусты казались обтянутыми ярко-красными полотнищами. Стоял урожайный грибной и ягодный год. Полозов вместе с агрономом пешком обошли район, весь составленный из отрезков и клиньев. Новый район лег посредине старых, как аккуратнo вычерченная геометрическая трапеция. Секретарю райкома и агроному надо было обследовать земельный массив и выяснить сельскохозяйственный уклон района.

Дни и ночи Полозов проводил с колхозниками, ночевал на покосах и уборочных полях. Он широко развернул в колхозах льноводство и животноводство и за

два года вывел район в передовые. Многие колхозы района получили на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке награды и похвальные грамоты.

С тех пор Полозов знал район, как собственную ладонь. Его знали даже школьники. Когда он появлялся в деревне, они кричали: «Дядя Ваня приехал!.. Он!.. Мы его знаем!» и, как саранча, облепляли секретарскую машину. Полозова окружали колхозники. Они показывали ему колхозные амбары, хлевы, поля. Хвалились урожаем и породистым скотом. По пути разрешались хозяйственные и политические вопросы. В записную книжку Полозов старательно записывал нужды и запросы колхозников. Так протекала беседа секретаря с колхозниками. Иногда она затягивалась до поздней ночи.

В трудную минуту, когда на островскую землю ступил фашистский сапог, Полозов с суровым спокойствием оценил нависшую над районом угрозу. Вокруг райкома партии еще дружнее сплотились коммунисты, комсомольцы, колхозники, сельская интеллигенция. Полозов должен был поднять их на борьбу.

Он занялся сколачиванием партизанских отрядов, сам выбрал для них базы, наметил места их боевых действий. Заранее было заготовлено продовольствие и небольшие склады вооружения. Коммунисты и комсомольцы ушли в подполье.

На первом заседании подпольного комитета совместно с командирами и комиссарами отрядов Полозов поставил перед островскими партизанами тактическую задачу. В руках у него были тетрадь и карта района.

— Посмотрите, товарищи,—показывал он по карте:— наше Островское находится между трех старинных подмосковных городов. В районе сплетается узел трех больших дорог, которые тянутся к трем городам. Браг двинул по этим дорогам на Москву свою технику и вшивое войнство. Какая задача стоит перед островскими партизанами? Сделать дороги непроходимыми

для врага. Взрывать мосты, обстреливать из засад фашистские войска, обозы, колонны! Минировать дороги ежедневно и ежечасно! Партизанские отряды должны создать неодолимый для врага подмосковный барьер, превратить подмосковные дороги в могилу фашистов!

Полозов не был ни опытным военным стратегом, ни испытанным партизаном, ни, наконец, искусным подпольщиком. Он был слишком молод. Всего три-четыре года, как из комсомола он перешел на партийную работу, а семь-восемь лет назад, мальчиком, шуровал толку паровоза, ездил помощником машиниста. Отец, старый машинист Брянского узла Иван Полозов готовил сына себе на смену и ждал той торжественной минуты, когда, уходя на пенсию, передаст сыну свой паровоз.

Но Ваню увлек комсомол. Сначала Полозов — секретарь деповского комсомольского комитета, секретарь райкома комсомола. Потом сильно потянуло на учебу, а там — партийная работа. Из Ивана Полозова постепенно вырабатывался волевой партийный работник. Живой, энергичный, дельный организатор, он обладал всеми качествами партийного руководителя. Теперь жизнь учила его быть и военным стратегом, и подпольщиком, и опытным партизаном.

— Когда народ стоит за свое правое дело, за свою родину, в нем рождаются герои-рыцари, и талантливые стратеги-полководцы, и замечательные подпольщики-конспираторы, — часто говорил он членам комитета.

Таким Полозов и был. Когда узнавал, что в отряде плохо, шел в отряд. Вместе с партизанами проводил операции, участвовал в боях, совершал походы. Когда же в отряде налаживалась боевая жизнь, Полозов спешил к подпольщикам или в другой отряд.

Теперь он шел в Щегловский отряд: там создавалась тревожная обстановка.

Вдруг хруст шагов по снегу остановил его. Впереди кто-то шел в Калиновую рощу. Полозов стал за дерево и огляделся. В чаще молодого ельничка пробиралась женщина. Полозов подошел ближе и тотчас опознал Валентину Павловну.

— Валя... Валя... Как ты попала сюда? — закричал обрадованный Полозов.

Валентина Павловна, пораженная необычной встречей в лесу, бросилась к Полозову. Она побывала в двух отрядах и не нашла его. Пошла в Калиновую рощу, в третий, Щегловский отряд. Иван Полозов улыбнулся:

— Тут и сошлись наши пути!

— Сошлись, Иван Иванович. Но ведь немцы вас повесили!

— Немцев мы скоро сами повесим. И предателей тоже. Надо действовать, Валентина Павловна! Молодцы Иваны! А вот в других наших отрядах скучновато... Ну, да наладим! — утешал он себя.

Полозов знал и о кашинской трагедии, и об успешных операциях Иванов, и о документах немецкого штаба, и о предательстве Байкова. От него ничто не ускользнуло. С ним было легко и действительно хотелось действовать.

— Подпольный комитет надо созвать, — одобрил он. — Назначим на завтра. Место сбора — Ершовский хутор. Зайди к Ванюше-сынку: газету надо выпустить обязательно. Непременно чтобы вышла. Пусть народ знает, что мы действуем. Действуем — значит существуем, дышим!

И он, глубоко вдохнув свежий лесной воздух, засмеялся. Засмеялась и Валентина Павловна.

— И еще заявления приготовь. Ваню примем в партию. Примем и других Иванов. Молодцы ребята!

Он попрощался и исчез в лесу:

К вечеру Полозов добрался до базы щегловцев. Его остановил часовой, потом, приглядевшись, опустил винтовку:

— Проходите, Иван Иванович, вас ждут.

— Здравствуй. Караулишь? — поздоровался Полозов, узнав школьного сторожа. Старик зорко охранял партизан.

Полозов поспешно прошел в землянку. Партизаны были в сборе. Командир скомандовал «смирно» и отдал рапорт. Учитель Щеглов, низенький, в очках, только еще входил в роль командира. Он не служил в кадровых частях, на военную службу его не взяли по близорукости. Но он страстно любил военное дело. Самочкой Щеглов овладел пулеметом, автоматом, гранатами, минами, наганом. Ему помогал другой учитель, Ерохин Никита — комиссар отряда. Почти весь щегловский отряд состоял из учителей, старших учеников и школьной прислуги. В землянке стоял сумрак, свет копилки узенькой полосой лег от дверей до печи. Полозов сел на нары. Началась беседа. Комиссар говорил о бдительности. В том, что в отряде долгое время укрывался предатель и трус Байков, повинны в первую очередь коммунисты, командование отряда и сами партизаны.

— Не пригляделись как следует к негодяю, не остереглись.

Полозов знал: в отряде есть несколько зазнаек. Они считали себя «обиженными»: как это ими командуют учителя Щеглов и Ерохин, раньше подчиненные им?

Полозов резко осудил этих товарищей.

— Партия и советская власть ценят людей не только по старым заслугам, — сказал он, — а по тому, как они показывают себя на фронте, в бою, в борьбе с гитлеровскими бандитами.

Говоря спокойно и чуть прищурив глаза, Полозов потребовал от коммунистов и всех партизан более решительных действий.

Беседа затянулась до глубокой ночи. На стенках землянки широко ложились тени, отбрасываемые плотными фигурами партизан. Колебалось пламя коптилки. В землянке стало жарко.

Вдруг входная дверь с силой распахнулась, словно ее рвануло порывистым ветром. Неподалеку с грохотом разорвалась граната. Партизаны вскочили с нар, схватились за оружие.

— Рус, сдавайся! Тебя кружил немецкий зольдат! — крикнул нерусский голос.

— Немцы! — послышался приглушенный шопот в землянке.

— Это предатель Байков их привел... Его работа! — крикнул кто-то из партизан.

— Товарищи, спокойно! Гранаты! — скомандовал Полозов.

Он первым выскочил из землянки и бросил одну за другой две гранаты, разорвавшиеся метрах в пятнадцати от него.

Не ожидавшие такого дерзкого ответа, немцы с визгом откатились назад. Клубы дыма заволокли землянку.

— За мной, товарищи! — крикнул Полозов.

Он поспешно сдернул с плеча автомат, прыгнул за дерево, прильнул к стволу и застрочил короткими очередями, прикрывая выход, пока люди вылезали из землянки.

Командир Щеглов быстро расположил партизан в боевом порядке. Завязалась перестрелка. Оружейные и пулеметные выстрелы гулко отдавались в лесу, звенело далекое эхо.

Полозов пробрался к Щеглову и приказал:

— Возьми с собой людей. Зайди в тыл. Я продержусь один.

Он хорошо знал, что хозяином положения в лесном бою остается тот, кто знает обходы, тропинки, просеки, поляны. Врага в лесу надо озадачить внезапностью удара. Немцы боятся лесного боя и внезапных обходов.

Когда группа Щеглова скрылась в калиновых кустах, Полозов открыл ураганный огонь. Немцы не замедлили отозваться. Стрельба не прекращалась целых полчаса, не ослабевая ни на секунду.

Полозов отвлек внимание фашистов. Щегловская группа проскочила в тыл немцам.

Она тотчас расположилась на взгорке, в густом лесу. Партизаны укрылись за кочками, кустами, деревьями. Их залп с тыла прогремел, как гром над головами немцев. Фашисты в панике бросились к дороге, но натолкнулись на засаду, расставленную Щегловым. Тогда они побежали по глубокому снегу, бросая оружие, ранцы, каски, патроны.

— Не уйдете!— крикнул командир.

С группой партизан он спешил наперерез немцам. Партизаны скрылись в хвойном лесу и затаились. Прямо на них бежали два немца.

— Не стрелять!— приказал командир.

Партизаны подпустили немцев шагов на тридцать.

— Стой! Руки вверх!

— Братцы, не губите христианскую душу!— вдруг упал на колени и заплакал один из беглецов. Это был предатель Байков.

Со злобой и ненавистью посмотрели на него партизаны.

— Змея подколодная... извиваешься?

— Взять под ружье!— приказал Щеглов.

Предателя Байкова под конвоем привели в землянку. Разгромив отряд немцев, туда стали сходить партизаны.

Они устали, продрогли, но у всех было боевое настроение. Некоторые останавливались около задержанного Байкова. Он опускал голову и смотрел в землю.

— Негодяй, глаза прячешь? Ну, да совести у тебя и на золотник нет. Предатель!

И отходили, злобно сверкая глазами.

Позже всех в землянку вернулись Полозов и командир Щеглов. Никто не сомкнул глаз до их прихода. Партизаны смотрели на комиссара Полозова. Лицо его было спокойно, как и прежде, только глаза стали глубже и острее. Он опустился на нары подле стола.

— Откроем, товарищи, свой партизанский суд,—сказал он.

Отрядный суд занял места. Командир Щеглов подошел к столу:

— Перед нами предатель, наш злостный враг, кулацкий сын Байков. По его доносу немцы разгромили подпольную пекарню и медпункт. Он предал четырех партизан. Он выслуживался перед фашистами, грабил и убивал колхозников. Немцы поставили его своим старостой в деревне Становище. Он привел немцев к землянке. Изменник родины, враг советского народа, Байков заслуживает высшей меры наказания — расстрела. Собаке собачья смерть!

После краткого допроса обвиняемого встал Иван Иванович Полозов и прочитал приговор:

— «Суд народа.

Приговор изменнику и предателю родины и советского народа.

Я, комиссар партизанских отрядов Островского района, сын русского народа, Иван Полозов, в составе судей партизанского отряда, командира Щеглова и комиссара Ерохина, установили:

1) Байков, кулацкий сын, пробрался в партизанский отряд, чтобы вредить ему.

2) Им преданы партизаны: Кадушкин, Махлаев, Иванов, Зубрилин. Он предал Шуру Воронову.

3) Он грабил колхозное добро в пользу немцев, убивал мирных жителей. От его рук погибла колхозница Смирнова Марина Ивановна с детьми.

4) Немецким гарнизоном Байков поставлен старшиной в деревне Посадское Становище. Активно проводил грабительскую политику и во всем помогал фашистам.

Постановили: За предательство, измену, вредительство в пользу немцев, убийство колхозников и грабеж их добра Байкова Н. В.—расстрелять.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Приговор приводится в исполнение немедленно.

Подписал комиссар партизанских отрядов Островского района Иван Полозов.

Судьи партизанского суда:

подписи».

13. В КОМИТЕТЕ

Подпольный комитет собрался в неурочное время в холодном сарае Ершовского хутора. Посреди сарая наспех разожгли костер. Все сгрудилось подле огня плотным полукругом, разместились кто как: на чурбачках, на поставленных ребрами кирпичках. Пламя костра освещало их бронзовые, заветренные лица. Заседание началось необычно, без докладов и высказываний. В центре полукруга сидел осунувшийся и похулевший, с запавшими, воспаленными глазами Иван Поло-

зов. Он пришел на заседание после боевой ночи. Передавая членам комитета бумаги, сказал:

— Ознакомьтесь, товарищи, с этими документами.

Документы в туго набитом портфеле и кожаной полевой сумке принес в комитет из Грулевского леса комиссар Ваня Бобылев. Здесь были фотографии, карты, письма, чертежи. Особо важные бумаги были переведены на русский язык. Их читали члены комитета по очереди, передавая друг другу.

Нагнувшись к костру, Ваня Бобылев вытаскивал из портфеля аккуратно сложенные папки. В его улыбчивых глазах отражались огоньки пламени. Он ехидно усмехнулся, когда из портфеля выкатилась стеклянная граненая фляга с вином.

— Это было вместе с немецкими приказами,— показал он на свет флягу.

У костра дядя Ютин курил трубку, изредка поглаживая свою большую бороду. Раньше его с бородой никто не видел, теперь комитетчики дядю Ютина не узнавали. Он шутя говорил, что борода его специально приспособлена для конспирации: отрастает по заказу за один месяц. Работавший когда-то на Кавказе в винодельческом совхозе, дядя Ютин прекрасно разбирался в винах. Взяв у Вани Бобылева флягу, он встряхнул ее, откупорил, понюхал, взял несколько капель на язык и сморщился:

— Эрзац французской мадеры. Дрянь. Я не завидую немецкому полковнику. От этого вина в желудке начнутся колики!

Опрокинув флягу, он вылил вино на снег.

— Фляга пригодится в походах,— сказал он и сел на прежнее место.

Документы, письма, фотографии, карты — все это боевые трофеи отряда Шести Иванов, расстрелявших штабную машину вместе с начальником штаба дивизии

полковником Крауде. Валентина Павловна, сидевшая сейчас рядом с Ваней Бобылевым, была живым свидетелем паники, которую произвел этот налет в немецком штабе. Штабные офицеры со страхом произносили имя «Иван». В тот же день к Вале прибежал перепуганный переводчик Хайнц с бестолковым вопросом:

— Вас ист дас Иваны?

Понятен испуг немцев: документы из штаба раскрывали новые стратегические планы врага.

Перед Полозовым лежала карта с аккуратно вычерченными лесными дорогами Подмосковья. Подмосковные леса были разделены на маленькие квадратики, ромбики, кружки. Их пересекали извилистые линии со стрелками — показателями. Это новые направления движения немецких танковых колонн и войск.

На главных шоссейных магистралях немецкие танковые колонны натолкнулись на сильную оборону. Преодолеть ее они не смогли. Потеряв сотни танков, немецкое командование решило повернуть бронированное чудовище на обходные дороги. Московские леса изобилуют большим количеством дорог, которые тянутся к Москве, как многочисленные артерии к человеческому сердцу: старый сибирский большак, торговый нижегородский путь; ростовская, малоярославецкая и рязанская дороги. Дороги тянутся на север, юг, запад и восток. По ним наши предки преодолевали широкие пространства на простых колесных телегах, колымагах, санях и кибитках, конным и пешим путем.

На старых лесных дорогах немецкое командование строило свои стратегические пути. Танковые колонны повернули в подмосковные леса, решив обойти оборону, а потом снова появиться на шоссейных магистралях. Фашисты не думали встретить препятствия в подмосковных лесах. Таков был их несложный расчет.

Полозов, отложив карту, протянул руки к огню, чтобы обогреть окоченевшие пальцы.

— Теперь вам, товарищи, все ясно, — сказал он, делая заключение. — Дороги становятся полем нашей битвы. Если мы не используем всех возможностей, не закупорим пути немецким танкам, не закроем ворота московской обороны, народ нам не простит. Бронированный зверь пролезет лесными дорогами и будет сзободно разгуливать под Москвой. Красной Армии в тысячу раз тяжелей будет бороться с фашистскими ордами. Дадим клятву: бронированный зверь пройдет только через наши трупы! Командиры и комиссары отрядов, передайте партизанам и всему советскому народу решение комитета.

Голос его звучал уверенно:

— Приказываю немедленно доставить документы в штаб Красной Армии. Ответственность возлагаю на комиссара Бобылева и члена комитета Парамонову, исполнение — на члена комитета Ютина. Все!

Комитет обсудил еще несколько вопросов. В кандидаты партии были приняты Ваня Петин и Ваня Волчок. С пылающими щеками они стояли рядом в уголке амбара. Итак, с сегодняшнего дня все их поступки должны быть еще более обдуманными, осмысленными, чтобы ни в чем не совершить ошибки. Они должны себя вести, как Иван Иванович Полозов, как Валентина Павловна, Иван Петрович Бобылев. Они — члены великой партии Ленина — Сталина!

Когда после заседания комитета Валентина Павловна подошла их поздравить, они смутились. Ваня Петин, горячо пожимая ей руку, прошептал:

— Спасибо!

Ваня Волчок, ничего не сказав, посмотрел на Валентину Павловну глубоким благодарным взглядом. Когда люди стали по одному расходиться, Волчок шепнул Ване Петину:

— Знаешь, дядя Ютин линию фронта собирается перейти... Смелый он!

— Завтра приходи с газетой в отряд!— крикнул Волчок вдогонку Ване Петину, скрывшемуся в Горбовском яре, за кустами.

14. ПУТЬ ДЯДИ ЮТИНА

Дядя Ютин поднялся рано. Он накрутил на ноги по две портянки. Под старый, заплатанный армяк надел теплую чуйку. В сумку положил килограмма три шерсти, в карманы насовал сухарей, луку. Взял суковатую палку и уже у порога крикнул:

— Не скучай, старушка!.. До свиданья, дочка!..

— Куда ты, дядя Ютин, далеко ли? — всполошилась старушка.

— Далече, отсюда не видно. Прощай, матушка!

Пройдя огородами, дядя Ютин свернул в Грулевский лес. Падал мелкий снег, над лесом висели хмурые облака. Колхозники говорили: «Зима метельная — лето будет ядреное». Дядя Ютин верил в народные приметы, любил слушать сказки, знал множество пословиц и деревенских прибауток. В совхозе его уважали, считали достойным хозяином и справедливым начальником. Себя он называл «орловским дубинником», хотя в Орле жил только в детстве. Там его избил кулак Силаев: грузилом от уздечки перебил ногу. У Силаева он сторожил скот. На грех, пропала супоросная свинья. Свинья потом нашлась, цела и невредима, а Ютин остался хромым на всю жизнь. Потом он жил в людях, далеко от родных мест. Из батраков перешел в совхоз. Рабочие избрали его председателем рабочкома. Потом — курсы, и он стал директором совхоза. Перед Ютиным открылась большая жизнь.

Так, перебирая в памяти историю своей жизни, он

незаметно дошел до старой раскидистой сосны. Его поджидали Валентина Павловна и Ваня Бобылев. Они передали ему пачку бумаг, карты и письма. Дядя Ютин аккуратно завернул их в тряпочку, положил в сумку и закатал в шерсть.

— Возвращайся скорей, дядя Ютин: нам еще работы с тобой целый воз.

— Работы? Поработаем, Валентина Павловна!

Он тряхнул бородой и подошел к Ване Бобылеву.

— Прощай, товарищ комиссар. Все будет доставлено в исправности и к сроку.

Ваня Бобылев крепко пожал руку дяде Ютину. У старой сосны они разошлись. Валентина Павловна направилась в типографию навестить Ваню Петина, Ваня Бобылев — к себе в отряд. Дядя Ютин свернул на тропинку и вскоре вышел из леса.

— Да смилосердитесь, добрые люди! Откуда у меня десять килограммов муки?

— Ну, может, картофеля меру?— торговались шаповалы.

— Да и картофеля нет. Откуда теперь картофель? Пятеро детей у меня, один другого меньше, и все с голоду пухнут...

— Овса десять килограммов! — выпрашивали шаповалы.

— Овса?— улыбался дядя Ютин.— Да я его сроду не сеял, и наш колхоз его не сеет. Коней нет, землю нам обрабатывают мэтеэсы.

— Ну, как знаете, — говорили шаповалы и отходили.

Встречаясь с жителями, дядя Ютин задерживался и спрашивал, как лучше пройти в Коновалиху.

— Да куда же вы теперь пойдете? В Коновалихе немецкий фронт. И гитлеров там напихано в каждой избе по сто штук. Какие уж там шаповалы! Вы, милый человек,— советовали дяде Ютину,— пойдите лучше в

Шепетилровку. Она в стороне от дороги, и гитлеров этих там куда меньше...

И дяде Ютину объясняли, как идет фронт, в какой деревне стоят, а в какой не стоят немцы, какой дорогой можно пройти к деревне, а какой нельзя. В волоколамском направлении он знал теперь все деревни, хуторы, дороги, леса. Но этого было мало. Нужно точно знать расположение фронта. Перейти немецкий фронт, когда враг сосредоточил здесь отборные дивизии, огромное количество техники и людских сил, было не легким делом.

Советских граждан, пытавшихся спастись от гитлеровского ига перебежкой через фронт в Москву, фашисты расстреливали на месте. Положение дяди Ютина усугублялось тем, что он нес секретные документы немецкого штаба, сведения о движении фашистских танковых колонн, записки партизанской разведки в тылу у врага.

Ложились сумерки, когда дядя Ютин дошел до прифронтовой полосы. Ночь настала темная и вьюжная. Свистел ветер в лесу. Качались ели и сосны. Дядя Ютин пробирался лесами и оврагами, обходя деревни. Один раз он едва не напоролся на немецкого часового. Немец крикнул ему что-то. Дядя Ютин припал к сугробу и два часа пролежал без движения на морозе. Когда часовые стали сменяться, он отполз за кустики и скрылся в темноте. У огневой линии дядя Ютин попал под обстрел пулеметов. Они строчили безостановочно, пули визжали низко над землей. Дядя Ютин снова залег и лежал несколько часов. Огонь пулеметов не унимался. Пальцы на руках стали коченеть, замерзали ноги, мороз забирался и под теплую чуйку. Дядя Ютин решил ползти во что бы то ни стало. Пусть его убьют, но бойцы Красной Армии найдут его труп и возьмут ценные документы. Вопрос его жизни как-то отодвинулся на задний план и будто перестал для него существовать.

Ваня Петин и Ваня Волчок условились встретиться около Каменской дороги, у яра, под старой елью. Ель стояла на взгорке. Большими белыми шапками висел на ее ветвях снег. Волчок нетерпеливо переступал с ноги на ногу: было холодно. Петин почему-то медлил. Но вот у яра послышался шум шагов. Петин шел оглядываясь, прячась за кустами. «Не обстрелян еще парень...» В отношении Петина Волчок чувствовал себя, как учитель с учеником. «Я опытный партизан, а Петин только входит в дело». После заседания подпольного комитета они договорились о том, что Волчок возьмет его с собой на несколько операций. Ваня Петин рвался на боевую работу в отряд.

— Задержался малость,— проговорил он извиняющимся тоном, — щегловским газету относил. Потом в типографию заглянул. Там Валя у радио сидит, ждет важных сообщений из Москвы.

— Ну? А отпустила она тебя на операцию?— спросил Волчок.

— Отпустила. Только сказала: будь осторожен.

— Жалеет тебя?— покосился Волчок.

Щеки Вани Петина покрылись румянцем.

— Она и тебя жалеет,— сказал он, оправдываясь.

Волчок не хотел спорить с другом. Он сказал примиряюще:

— Знаешь, кого жалко? Шуру Воронову! Вот смелая девушка! Мы с ней в разведку ходили...

— Валя тоже смелая! Полковника выследила, когда он поехал с бумагами на доклад.

— Она умная и хитрящая. Насквозь человека видит!— подтвердил Волчок.

Только хотели они выйти на дорогу, как тихий писк послышался над елью и комья снега посыпались им за ворот. Волчок насторожился. Стайка желтоголовых зимних корольков взметнулась над макушкой старой ели.

— От кого это они так шарахнулись?— спросил Ваня Петин.

— Наверно, птица чует чужого. Знаешь, от фрицев улетают даже галки. Они их по запаху определяют. Птица не переносит их,— серьезно сказал Волчок.

Петин и Волчок затаились за елью. Действительно, скоро в хвойной заросли послышались шорох и хруст снега. Волчок крепко стиснул автомат в руках. Неужели немцы выследили их?

— Коли что... живыми не дадимся!— прошептал Ваня Петин.

— Тише... Наблюдай!— приказал Волчок.

Прошло несколько напряженных минут, когда в зарослях хвои раздался окрик:

— Хальт! Хальт!

— Так и есть, немцы...

В просвет между ветвями они разглядели трех фашистов. Они тащили мотки провода. Потом из редкого ельничка показались еще двое. Немцы натягивали на деревья кабель и очень торопились.

— Запасный провод натягивают в кустах, чтобы незаметно было,— зашептал Волчок.— Ну, да ничего из этого не получится.

Немцы прошли с проводом сторонкой, не заметив юных партизан. Волчок вышел из засады и остановился. В его голове мелькнула новая мысль.

— Смотри, Вань,— показал он Петину рукой.— Видишь? Уже висят три провода у дороги. И почему-то фрицы тянут еще один — в кустах, четвертый. Понял, зачем они его проводят?

— Нет,— признался Ваня Петин.

— Соображать надо, дружище!— наставительно сказал Волчок и объяснил: — Видишь ли, фашисты хитрят. Провода навешены, а они новый провод скрытно натягивают. Это значит, что по этой дороге пойдет или мотопехота, или танковая колонна. Связисты у них всегда

за два, за три дня новый провод натягивают. Подготавливают. Видишь, вперед идут!

— Теперь понимаю!— обрадовался Петин.

— Пойдем по их следам... Только осторожно...

Они приблизились к проводу. Волчок достал из кармана ножницы и перерезал провод. Затем они запрятали концы в снег и заминировали их. Волчок ухмыльнулся и подтолкнул локтем Ваню Петина.

— Алло, фрицы! С вами говорят два Ивана-партизана! — и тихо засмеялся. Улыбнулся и Петин. — Теперь в засаду, Ваня, — командовал Волчок. — Они скоро вернутся!

Два юных партизана залегли в кустах, утрамбовали снег за кочками в рытвине. Прошло полчаса, но немцы не появлялись. Друзья терпеливо выжидали. Они не сводили глаз с того места, где был разрезан провод.

К вечеру мороз покрепчал, деревья оцепенели от холода.

Но вот послышался скрип снега. Пять немцев шли друг за другом, держа наготове автоматы в руках. Они проверяли провод. Подойдя к месту, где был оборван кабель, первый немец выругался и сказал:

— Партизан махт!

Четверо, как по команде, сейчас же наставили автоматы и открыли стрельбу. Они строчили куда попало, прочесывая кругом местность. Пули низко визжали над головами Волчка и Вани Петина. Потом стрельба стихла, и первый немец, схватив конец провода, рванул его. Последовал взрыв. Немец упал на снег. Четверо шарахнулись в сторону.

Этого только и ждали Волчок и Петин. Двумя короткими очередями они срезали в упор четырех немцев.

Захватив моток провода и пять автоматов, Волчок и Ваня Петин бросились в лес. Они бежали без оглядки. Но не успели сделать и километра, как поднялась несущая

светная стрельба. Стреляли немецкие зенитки. В потемневшем небе маячила черная точка. Подле нее возникали дымки. Их становилось все больше. Это был советский самолет, видимо разведчик, возвращавшийся из немецкого тыла. Самолет набирал высоту, но вдруг круто пошел вниз.

— Подбили, сволочи!— крикнул Волчок и бросился бежать.

Самолет-разведчик, снизившись, сделал рывок в сторону, пролетел над лесом. Над заснеженной чистой поляной он сделал круг и влип в снег.

— Сюда!.. Сюда!.. Скорей!..— кричал Волчок Ване Петину.

Они бежали к самолету изо всех сил.

16. КРЫЛАТЫЕ ГОСТИ

Не успели Ваня Волчок и Ваня Петин добежать до самолета, как на поляне появились три немца.

— Хальт, рус! Хальт, рус!— кричали они во всю глотку.

Но летчики, выпрыгнув из самолета, быстро скрылись в лесу. Немцы открыли по ним стрельбу. Волчок прижал холодный приклад автомата к щеке, сощурил левый глаз и дал несколько выстрелов. Ваня Петин, спрятавшись за деревом, строчил по немцам. Пули срезали одного, и он упал в снег; остальные бросились бежать.

— Не уйдете!— крикнул Волчок.

Он пересек поляну, обошел немцев и только прицелился, как с противоположной стороны грохнули выстрелы, пули просвистели почти рядом с Волчком; два фашиста, точно споткнувшись, уткнулись головой в снег.

— Кто же это стрелял? — недоумевал Волчок.

Ваня Петин остался у самолета. Волчок приник к дереву. В лесу послышался шум. Несколько человек бежали к убитым немцам. Они оглядывали кусты и деревья и кого-то искали. Это были разведчики партизанского отряда — Хмурин, Нюра Петрова и Грибков. Ваня Волчок крикнул им, выходя из-за дерева.

— Тю, да ведь это наш Ваня Волчок! — остановилась Нюра Петрова. Партизанская разведка приняла было Волчка за немца.

— Вы так и своих можете покалечить. Смотреть надо! — сердито сказал Волчок.

— Да ведь в лесу сумерно стало, разве опознаешь? — оправдывалась Нюра.

Действительно, пока Волчок и разведчики обстреливали немцев, в лесу совсем стемнело. Потерялись из виду и летчики. Далеко ли они ушли? Где их искать? Могут замерзнуть — мороз крепкий. Посоветовавшись, решили отыскать летчиков. Разведка рассеялась в трех направлениях. Волчок с Ваней Петиным пошли в четвертом. Они углубились в лес и шли ломаными линиями. Но следов не было видно нигде. Тогда они повернули вправо и стали пробираться через густые кусты орешника.

— Ваня, видишь просвет? — окликнул Волчок.

— Вижу маленькую полянку.

Посреди нее стоял стог сена. Они обошли поляну кругом и напали на след. Три человека прошли к стогу по одному следу.

— Это их следы. Они схоронились в сене!

— Их было трое. Я видел, — подтвердил Ваня Петин. Волчок крикнул:

— Товарищи летчики, выходите!

Но никто не отозвался. Ваня Волчок повторил:

— Выходите, товарищи, не бойтесь: мы свои, партизаны!

Сено зашевелилось, и из стога послышался голос.

— Сколько вас?

— Нас пять человек,— ответил Волчок.

— Это вы стреляли в немцев?— снова послышался тот же приглушенный голос.

— Мы... Мы их всех уколошили. Выходите, товарищи!

— Имейте в виду, живыми в руки не дадимся. С нами гранаты и пистолеты! — предупредили летчики.

Посоветовавшись между собой, они стали вылезать из стога. Волчок и Ваня Петин вышли на поляну. Летчики были немало удивлены, когда увидели маленького, приземистого Волчка и вытянувшегося, худощавого, почти мальчика, Ваню Петина.

— Где же остальные партизаны?— спросил летчик с двумя кубиками — лейтенант.

— Они ушли искать вас по другим направлениям. Сейчас я их покличу, — сказал Волчок, засунул два пальца в рот и издал пронзительный жалобный свист — крик ночной совы.

Летчики переглянулись. Лейтенант подмигнул:

— А ты молодец: не хуже совы кричишь.

Волчок подождал, потом повторил крик. В лесу слышались пересвисты.

— Услышали... Пойдем-ка на просеку. Там они нас скорей заметят.

Волчок шел впереди, за ним летчики, сзади Ваня Петин.

На просеке их встретила разведка, и партизаны повели летчиков в землянку. Летчики шли молча. Молчали и партизаны. Каждый думал о своем: Волчок — о кабеле, который немцы проводили у Каменской дороги, летчики — о неожиданной встрече с партизанами, разведчики — о том, что нашли летчиков и теперь они спа-

сены. Так они дошли до землянки партизанского отряда Шести Иванов.

— Товарищ комиссар, гостей привели... Наши летчики! — объявила Нюра Петрова.

Летчики вошли в просторную и уютную землянку. Их встретил комиссар Ваня Бобылев, расспросил: кто, откуда, как произошла вынужденная посадка.

— Для порядочка надо и документы проверить, — сказал он и внимательно оглядел летчиков.

Документы оказались в порядке. Лейтенант Курбасов был членом партии, штурман Жмурко и радист Лапиков — комсомольцами.

— Ну что ж, товарищи, можете чувствовать себя в нашей семье, как дома. Семья у нас молодая, дружная. Скучать не придется. Вон шахматы, шашки, гитара, кое-какие книги есть, — показал комиссар.

Однако летчикам не пришлось заниматься ни шахматами, ни шашками, ни гитарой. Партизаны плотным кольцом обступили штурмана и радиста, и начались расспросы: что в Москве, Ленинграде, на фронте, какие сводки. На нарах летчик Курбасов вместе с командиром Старым Иваном и комиссаром Бобылевым изучали карту. Курбасов водил изгрызенным карандашом по линии Каменской дороги, где летчиками была замечена немецкая танковая колонна. Донесения Вани Волчка о том, что фашисты натягивают новый провод подле этой дороги, насторожило командира и комиссара.

— Немцы ведут подготовку. Надо готовиться и нам! — сказал Ваня Бобылев.

— Надо, — согласился командир, — обязательно надо спасти и нашу машину.

«Нашей» машиной Старый Иван называл самолет.

Не ожидая, что скажут летчик и комиссар, он поднялся и крикнул:

— Товарищи партизаны! Приказываю отвести машину в лес, замаскировать и подготовить площадку.

Ваня Петин толкнул Волчка локтем:

— Они полетят сейчас?

— Нет, спрячут самолет в лесу, чтоб фашисты не нашли его. Зачем мы будем отдавать свою боевую машину!

— Жаль, что у них нет газет. Там речь товарища Сталина... Мы бы ее сейчас размножили. Я бы за одну ночь набрал!— серьезно сказал Ваня Петин.

— Да, жаль, — отозвался Ваня Волчок.

Они хотели поделиться своими впечатлениями, поговорить о событиях, участниками которых были. Но Ваню Волчка отозвал комиссар и приказал:

— Срочно в штаб с донесением. Передать лично комиссару Полозову!

Ваня Волчок спрятал письмо в боковой карман и позвал Ваню Петина:

— Идем, я тебя провожу. Это по дороге.

17. КАМЕНСКАЯ ДОРОГА

Не прошло и часу, как в щели землянки стал пробиваться серый свет. Хозяйка землянки, комсомолка Нюра Петрова, погасила копилку. Всю ночь она не спала, ожидая партизан. Они возились с самолетом и на поляне делали площадку. Теперь ей надо было приготовить обед. Но в лесу стало светло, и внешний часовой предупреждающе постучал в дверь землянки. Нюра поспешно залила водой головешки, разгребла по колосникам угли, поставила большой котел с варевом и закрыла задвижкой трубу. В землянке вкусно запахло горячими щами. «Дойдут», подумала Нюра и примостилась на скамейке у печки. Она заснула сидя, склонив голову и опустив руки на колени.

Только к полудню землянка снова ожила: Иваны вернулись из лесу. Едва они успели пообедать, как пришел комиссар Полозов и Ваня Волчок. В маленькой

комнатке за дощатой перегородкой, где жили командир и комиссар, началось совещание.

Снова на нарах была разложена карта.

— Осведомители подпольного комитета подтвердили, — всматриваясь прищуренными глазами в карту, сказал Полозов: — по Каменской дороге на фронт движется большая колонна немецких танков. Подпольный комитет решил сделать все, что можно и что в наших силах, чтобы задержать колонну танков.

Когда совещание было закончено, два Ивана (молодой — комиссар и «старый» — командир) вместе с Полозовым вышли из землянки, чтобы поговорить наедине. Они остановились среди густых елей на небольшой прогалинке.

— Каменская дорога должна быть центром внимания отряда Шести Иванов! — поправляя автомат на плече, произнес Полозов.

Взяв шомпол, он нагнулся над заснеженной прогалиной и нарисовал на снегу острый треугольник.

— Здесь вот Каменка, а тут Крюково.

Острые треугольника ложилось на линии смежных деревень Каменка — Крюково. В районе этих двух деревень сомкнулись две немецкие группировки. Одна прорвалась со стороны Солнечногорска, другая — с волоколамского направления, с выходом к Ленинградскому шоссе. В районе Каменка — Крюково создан был острый угол вражеского клина, который вонзился в московскую оборону.

— В этом месте враг подошел к Москве ближе, чем на других направлениях. Немцы напрягают все усилия, чтобы расширить прорыв. Сюда они стягивают массу техники. В узкий перешеек между Каменкой и Крюковым на линию брошены тридцать пятая немецкая пехотная и пятая танковая дивизии. Немцы подтягивают новые части, посылают новые колонны танков, — спокойно объяснил Полозов.

— Теперь я понимаю, почему фашистские танки катятся к Каменке. В Крюкове и Каменке они решили создать опорные пункты для нового наступления, — стоял Ваня Бобылев.

— Совершенно верно. Каменскую дорогу они решили сделать важной магистралью. На вас, Иваны, ложится большая; ответственная задача. Подпольный комитет вам верит и надеется на вас.

Старый Иван и Ваня Бобылев переглянулись и несколько минут молчали, обдумывая всю сложность боевой задачи, которая ложилась на их плечи. Командир пригнулся и внимательно посмотрел на чертеж.

Полозов поставил перед командиром и комиссаром вопрос: хватит ли у них людей для такой операции? Достаточно ли мин? Старый Иван ответил не сразу. Он ждал, что скажет Ваня Бобылев. Когда тот ответил утвердительно, Старый Иван сказал:

— Людей у нас хватит, и мин тоже. Оправдаем доверие подпольного комитета!

— Теперь все. Надеюсь и жду героических дел. Народ не забудет ваших имен! — попрощался Полозов с командиром и комиссаром.

Когда комиссар трех партизанских отрядов ушел, Ваня Бобылев и Старый Иван еще долго стояли на прогалине среди густых елей. Командир попытался было разузнать подробнее о каменско-крюковском клине, но комиссар отозвался глухо и нахмурился. Только теперь он понял, какая ответственность легла на его плечи. Каково положение сейчас в Каменке — Крюкове, для них было ясно. Москва напрягает все силы, чтобы дать врагу отпор, — об этом говорили летчики. Что тяжело под Москвой, это он тоже знал. Но Москва устоит, опрокинет немецкие полчища. В этом он не сомневался ни на одну минуту. Мысль комиссара Бобылева работала совсем в другом направлении. Он думал: задача партизан состоит не в том, чтобы выяснять положение на

московском фронте, а в том, чтобы помочь московской обороне. Как создать вот здесь, в Грулевском лесу, партизанский треугольник, мешок, ловушку для немецких танков? Может быть, завтра эти танки будут лязгать по Каменской дороге. Как сделать непроходимым Грулевский лес для немцев? В этом состояла сейчас задача партизан.

Дорога каждая минута. Не вдаваясь в длинные рассуждения, Бобылев взял шомпол в руки и стал чертить Каменскую дорогу со всеми ее изгибами и отклонениями. Дорога пересекала Грулевский лес. Она пробиралась между болот, оврагов, ручьев и речек, по-змеиному изгибаясь на обходах. Бобылев выводил линию и ставил крестики, которые служили указателями деревень.

— Здесь вот овраг, а там лес,— говорил он.— Тут дорога разветвляется на две... В вилке их зажата деревня Воробьево.

Комиссар поставил шомпол подле крестика, обозначавшего деревню Воробьево, и воскликнул:

— Вот где надо закупорить немецкие танки!

Командир пригнулся, точно хотел лучше рассмотреть вилку дорог.

Командир перешел к обсуждению тактического плана операции, места действия, где должен произойти поединок между танками и партизанами. Где именно заминировать дорогу? Устраивать ли завалы? Как быть, если танки, наткнувшись на мины, повернут обратно и начнут искать обходные пути?

Решено было заминировать не деревню Воробьево, а подступы к ней. Деревушка Воробьево, состоящая из десяти-двенадцати домиков, была самым подходящим местом, где можно преградить путь немецким танкам. Она расположена на лесной поляне, на взгорке. Дорога к ней подходит прямо из лесу, через овраг, мостик и потом разветвляется на две. Одна дорога пролегает че-

рез деревню, а другая тянется за огородами. По оврагу можно прямо из лесу незаметно пробраться к мостику, а затем и к самой вилке дорог.

Подготовка к операции подняла на ноги всех партизан. Как пройдет поединок с бронированной «гидрой»? Летчики принимали живейшее участие в обсуждениях и спорах.

18. ПОЕДИНОК С «ГИДРОЙ»

В группу десяти были отобраны самые смелые и опытные минеры, комсомольцы и коммунисты. Эти люди поклялись умереть, но не пропустить фашистские танки. Группу возглавил Ваня Бобылев. Он шел впереди. За ним шагал Ваня Мишин, Круглов, Хмурин, Хомутов, Ваня Волчок. В каждой руке люди несли по противотанковой мине, держа их за ручки, как маленькие чемоданчики.

Ночь выдалась светлая, лунная, не партизанская. Ваня Мишин с раздражением заметил:

— Проклятая луна, светит во все фары!

— Луна, это ничего... не заметят, — вмешался в разговор Хмурин.

— А ты, наверно, при луне ходил к жене в гости? — съязвил Ваня Мишин.

Партизаны фыркнули, зажимая рты, чтобы не рассмеяться громко. Как ходил Хмурин в гости, знали все. Он был жителем деревни Воробьево. И вот однажды Хмурин отправился к жене. Вместе с собой подговорил итти партизана Хомутова. Пришли они вечером. Жена истопила баню, партизаны вымылись, потом закусили. Вдруг к ночи напрунули немцы. В избу к Хмурину свалилось сразу пятнадцать фрицев. Грязные, вшивые. Хмурин и Хомутов зарылись под полom в картофель. Всю ночь они просидели в западне. Под утро, когда немцы уснули, жена Хмурина вывела партизан в сарай

и закопала в сене. А днем вместе с сеном уложила в сани и отвезла в лес.

В землянку Хмурин и Хомутов ввалились вымазанные, с трухой сена в волосах. Партизаны долго потешались над походом Хмурина и Хомутова. Ваня Мишин напомнил Хмурину эту прогулку потому, что рупра подходила к деревне Воробьево.

Шли оврагом, хоронясь за кустами. Когда добрались до мостика, по обе стороны дороги выставили наблюдателей. Четверо стали минировать мост и объезды. Трое одновременно закладывали мины на развилке и объездах.

Бобылев достал несколько фанерных дощечек с немецкими надписями — «Форзихт, мина». Потом отошел метров на пятьсот по дороге в сторону деревни Воробьево и расставил их на обочинах и дальше по полю.

— Пускай фашистские оболтусы думают, что здесь минное поле, — хитро подмигнул комиссар Ване Мишину.

Партизаны прошли дорогой в лес и осмотрели, нет ли обходных путей. Вправо сворачивала в лес небольшая проселочная дорога.

— По этой дороге они не решатся ехать, — сказал Хмурин.

— Чорт их знает! Припрет, так поедут.

Комиссар приказал заминировать и эту дорогу.

Партизаны подыскали на пригорке под кустами пункт наблюдения и засели. Отсюда видны были мост, дорога, овраг и все подступы к деревне.

Стоять под кустами до утра было холодно и скучно. Медленно побелел восток, померкли звезды. Над лесом побагровела полоска облаков. Показалось румяное солнце.

В полдень к Грулевскому лесу подошла колонна немецких танков. Лязг гусениц и шум моторов были слышны за несколько километров. Танки держались друг от друга на небольшом расстоянии. Жерла пушек были повернуты в сторону. Люки плотно закрыты. Ка-

залось, стальная «гидра», закованная в броню, двигалась сама собой — без участия людей. Партизаны затаились и молча наблюдали за танками. Шум нарастал. Десять смельчаков с ненавистью и злобой разглядывали фашистскую свастику, намалеванную на передней стороне и по бокам танка. В авангарде шел броневик-разведчик. Колонна приближалась к оврагу.

Ваня Бобылев затаил дыхание. Взорвется броневик или пройдет?

Броневик завернул на мостик. Прошли передние колеса.

— Прошел, сволочь! — чуть не вскрикнул Бобылев.

Но раздался оглушительный взрыв. От машины оторвались и покатались колеса. Она, как игрушечная, подскочила вверх и повалилась на бок, загородив дорогу.

— Есть один! — весело крикнул Мишин.

— Спеся! — подхватил Хмурин.

— Тише, товарищи! — прикрикнул на расходившихся партизан Ваня Бобылев.

Мишин и Хмурин замолчали. Остановилась и затихла колонна. Из танка вышли два немца. Они долго не решались подойти к броневику. Но один наконец осмелился. Осторожно, минуя бугорки и оглядываясь, он приблизился к машине. Спросил что-то. Ответа не последовало. Тогда он вернулся обратно и сказал:

— Капут, Ганс!

Два часа стояла колонна. Немцы о чем-то сговаривались. Наконец выдвинулся передний танк и пошел в обход моста. Снова взрыв, и танк, подбитый, засел в снегу. Колонна свернула в сторону, на вилку, где расходились дороги. Здесь ее тоже поджидали мины. Подорвались еще два танка. Колонна снова остановилась. Немцы забегали, визгливо крича:

— Карл Рихс! Карл Рихс!

Появился толстый немец, по-бабьи закутанный в пла-

ток. Видимо, Карл Рихс должен был решить, следовать ли танкам дальше или повернуть обратно. Толстый немец долго стоял в нерешительности, потом медленно прошел по дороге мимо взорванных и искалеченных танков. Он подозрительно осмотрел каждый сугроб у дороги, обочины, даже поставленные по сторонам вехи. Дойдя до дощечек с надписью «Форзихт, мина», Карл Рихс остолбенел, затем попятился назад и бросился бежать обратно, вопя во всю глотку:

— Форзихт, мина! Форзихт, мина!

Немцы решили, что напоролись на свое же минное поле, пройти которое без миноискателей невозможно.

Ваня Бобылев вышел из-за кустов и позвал Мишина.

— Ваня, скорей в хвост колонны. Заминируй во что бы то ни стало дорогу в нескольких местах! Мы устроим им еще один спектакль!

Мишин махнул рукой Хмуруну, Хомутову и Ване Волчку. Вчетвером они спустились в овраг, обошли мелкий лесок и выбрались на поляну. С минами бежать было тяжело и неудобно. Мешали автоматы и гранаты в карманах.

Мишин бежал размашисто, минуя большие сугробы, кочки и обгоревшие пни. За ним еле поспевали Хмурин, Хомутов и Ваня Волчок. Надо было спешить, пока колонна танков не повернула в обратный путь. Ваня сразу угадал намерение комиссара. Комиссар решил устроить капкан немецким танкам в Грулевском лесу.

— Хитер, востер, как бритва, наш Ванюша! — проговорил Мишин вслух.

Запыхавшись, Мишин первый остановился за кустами у обочины дороги, отдышался, смахнул капли пота со лба и выглянул в просвет между ветвями. На дороге — никого. Тогда он кивком головы позвал партизан. Они заминировали дорогу и обочины, затем прошли метров пятьсот и еще раз заложили мины. Три заградительные минные линии сделал Мишин.

— Теперь все в порядке. Спектакль можно открывать, — повторил он слова комиссара.

Партизаны вернулись на взгорок, к наблюдательному пункту, когда немецкая колонна поворачивала в обратный путь. Не прошло и пятнадцати минут, как лес загудел, задрожала земля. Вслед за первым взрывом последовал второй, и танковая колонна снова остановилась.

— Теперь, товарищи, до избы! — распорядился комиссар.— У них миноискателей нет. Они будут ждать, когда придут саперы.

19. «ПТЕНЕЦ»

Вынужденная посадка советского самолета в оккупированном районе, в тылу у немцев, была опасна, но летчиков спасли партизаны. Ночью они перебросили самолет на дальнюю поляну в глухом лесу. Два дня фашисты искали советскую машину, но не нашли.

Партизаны укрыли самолет в ельничке. Его охраняли часовые. Доступ к нему разрешался только экипажу.

Летчик Курбасов, низенький, сутулый, с густыми заиндевелыми бровями и живыми, острыми, как у хорька, глазами, возился в укрытии дни и ночи. Из самодельного ангара часто раздавался стук и лязг металла. Там латали летчики своего «птенца», как в шутку называл самолет штурман Жмурко. Повреждения оказались серьезными: поломано шасси, не работали рули управления, перебиты трубки для подачи масла и бензина, было несколько пробоин в крыльях, пошаливал мотор.

Конечно, если бы поставить машину в мастерскую, ремонт двинулся бы скорей. Но здесь, в диком лесу, в окружении немцев, нехватало инструментов и материалов. Стыли пальцы, сырели спички, коптила обогре-

вательная лампа, не горел примус. Летчик Курбасов приходил в отчаяние.

На помощь приходил веселый, с лучистыми серыми глазами штурман, украинец Жмурко. Мурлыча потихоньку песню «о дивчине», он делал вид, будто с «птенцом» ничего серьезного не случилось.

— Клянусь, Коля, взмоет наш «птенец»! Вот только дай ему малость отдышаться... Взмоет!

— Не так это легко, дружба. Голыми руками шасси не поставишь и трубки не сделаешь, — угрюмо говорил Курбасов.

— Ей-ей, сделаем! Ты помнишь наш полет на Западный, на бомбежку фашистских мотоколонн под Гжатском? Тогда ведь тоже перешибли горло нашему «птенцу»!

— Перешибли, — согласился Курбасов. — Но то была мелочь.

— Хорошенькая мелочь! Нас схватили за горло, и мы чуть камнем не свалились на головы немцам! Нет, Коля, об этом следует вспомнить. Во сколько секунд мы тогда наложили на горло пластырь? Отличная была работа.

Жмурко до мельчайших деталей помнил всю эту операцию.

Эскадрилья советских самолетов вылетела рано утром. «Птенец» стремительно рассекал воздух. Он падал в крутое пике. Чаше вспыхивали огоньки по сторонам. Стреляли по самолету. Летчик подал сигнал Жмурко. Машина вышла из пике, и когда выровнялась на цель, штурман нажал рычаг бомбосбрасывателя.

Прошла секунда, и воздух потряс глухой взрыв. Столб огня вырос мгновенно. Заметалась на дороге немецкая мотоколонна. «Птенец» снизился еще и положил четыре фугаски вдоль полотна дороги. Потом летчики услышали: захлебнулся мотор, и в тросах просвистел ветер.

— Сердце заглохло! — перевалившись через борт, закричал Курбасов.

Жмурко почувствовал, как машина потеряла ско-

рость и под визг ветра неслась навстречу земле. Внизу уже виднелись остроконечные макушки деревьев и ровное поле за лесом.

— Дотянешь? — спросил Жмурко.

Курбасов мотнул головой.

Машина коснулась земли. Штурман, держась за лобовые расчалки, прыгнул к мотору и быстро откинул капот. На лицо брызнули капли бензина.

— В горле дыра. Бензин не подается! — засуетился Жмурко.

— Ты спокойней, Паша! — Курбасов из кабины подал дюраль и изоляционную ленту.

— Покрепче затяни.

— Есть крепче! — отозвался Жмурко.

Через несколько минут все было готово, на горло наложена заплатка. Жмурко уже стоял на плоскости, когда справа грянула дробь автоматов. К самолету бежали немцы в синих шинелях и черных касках со свастикой. Жмурко схватился за плечо, со лба побежала струйка крови, он повис на борту. Курбасов стиснул зубы, напряг нечеловеческие усилия и втянул друга в кабину.

Машина дрогнула, потом оторвалась от земли. «Птенец» взмыл в небо.

Ни Курбасов, ни Жмурко не понимали тогда, что находились на волосок от смерти. Спаслись они только благодаря присутствию духа и жажде жить и побеждать.

Это было давно. Давно вылетел Жмурко. Сколько налетов на танковые колонны, аэродромы и вражеские войска сделал «птенец» после этого случая! Сколько раз летчики попадали в опасные переделки! Сколько ран и пробоин получил «птенец»!

— Неужели не осилим теперь, Коля? — спрашивал Жмурко.

— Осилим! Наш «птенец» живуч. Он соколиной, сталинской породы!

На второй день, когда партизаны привезли летчикам бензин и масло, «птенец» твердо стал на шасси. Его подняли на своих плечах партизаны.

— Будет жить! — весело сказал Жмурко.

Летчики накладывали на крылья заплаты, и в это же хмурое утро Жмурко наложил толстый пластырь на горло «птенца».

— Клянусь, воскреснет наш «птенец»! — крикнул он.

В полдень в самодельный ангар на поляне поспешно вошел Бобылев вместе с Ваней Волчком и Ваней Мишиным.

— Как дела, летчики? — спросил он.

— «Птенец» начинает дышать, горло готово, скоро сердце застучит! — ответил Жмурко.

— Эх, чорт, скорей бы оно застучало! Теперь на вашего «птенца» вся надежда. Он должен привести соколиную стаю.

Комиссар рассказал летчикам, как партизаны в лесу закупорили немецкую танковую колонну.

— За ночь ей не выбраться. Мы столько заложили мин, что взрываться будут целые сутки!

— Дело серьезное, надо нажать, — задумался Жмурко.

Весь вечер они отогревали мотор, проверяли бензинопровод, заправили баки горючим. И мотор вдруг застучал — сначала с перебоями, потом все ровней и ровней. Жмурко радостно закричал:

— Заговорило сердце соколиное! Ожил наш «птенец»!

Он подбежал к машине и похлопал ее по плоскостям, как любимого коня. Хорьковые глаза летчика Курбасова горели, он самодовольно улыбался, как врач, совершивший сложную операцию, после которой пациент будет жить.

В полночь партизаны провожали летчиков. «Птенец» легко взмыл в облака.

Всю ночь не спал комиссар Ваня Бобылев.

Когда утром он вышел на пригорок и взглянул на Каменскую дорогу, над лесом поднимался редкий дымок. За два километра слышен был гвалт немцев. Колонна танков стояла на месте.

Небо к утру очистилось, и только в стороне Москвы ходили редкие облака.

Вдруг из облаков, как небольшая стайка птиц, вынырнуло несколько светлых пятен. Они, быстро увеличиваясь, держались Каменской дороги. Гул моторов Ваня Бобылев услышал, когда самолеты стали приближаться к деревне Воробьево. Затем он ясно разглядел пятиконечные звезды. Это были советские штурмовики. Звено самолетов сделало два круга над лесом. Немцы сразу притихли, потушили костры.

— Неужели пролетят? Не заметят? — Ваня Бобылев затаил дыхание.

Шестерка штурмовиков развернулась над деревней Воробьево и пронеслась над дорогой. Шесть фугасок одновременно полетели на немецкую танковую колонну. Под ногами Бобылева заколебалась земля, с деревьев посыпались иней и снег. Несколько минут нельзя было разобрать, что делается в лесу: он был как в густом тумане. В землянке с потолка посыпалась земля, партизаны выскочили наверх.

Штурмовики зашли с другой стороны, и страшный удар повторился. В воздух взлетела башня танка и, легко перевернувшись, шлепнулась на мерзлую землю.

Немцы открыли беспорядочную стрельбу, но штурмовики продолжали сбрасывать бомбы. От леса шел густой дым — горели немецкие танки. Потом налетела новая волна советских штурмовиков, и грохот повторился еще раз.

Партизаны бросали шапки вверх, кричали «ура». Ведь это они загнали в капкан стальную «гидру», и советская авиация расправилась с ней! Партизаны радовались, что выхоженный ими «птенец» привел

соколиную стаю, что штабные документы и приказ немецкого командования о движении танков по лесным дорогам попали в штаб Красной Армии. Значит, дядя Ютин успел притти во-время.

20. МОСКВА ГОТОВИТСЯ К НАСТУПЛЕНИЮ!

Вечером того же дня, когда была разгромлена немецкая танковая колонна, партизаны нашли в Грулевском лесу разбросанные советские листовки. Листовки немедленно проникли в колхозные деревни. Связные от колхозников осаждали комитетчиков: дайге докладчиков, агитаторов, пропагандистов! Из листовок колхозники узнали: на Красной площади выступил Сталин. Советский народ демонстрировал в грозные дни свою волю, единство и веру в победу. Красная столица, как вымпел, подняла боевое знамя. Красные железные полки с марша пошли на фронт.

«Москва готовится к наступлению!» с быстротой молнии распространилась весть в оккупированных подмосковных селах, деревнях и городах. Люди ждали приказа великого полководца Сталина.

Счастливая Валентина! Она слушала доклад Сталина на торжественном заседании Московского совета, она слушала его речь на Красной площади! В партизанской землянке, в лесу, по радио прозвучал родной и близкий голос вождя. Валя так волновалась, что только отдельные места из доклада и речи успела записать. Но и этого было достаточно, чтобы рассказать колхозникам.

Из лесов, из партизанских землянок сотни агитаторов, пропагандистов, докладчиков пошли в колхозные деревни. И деревни насторожились, притихли, как перед грозой. Но закрыты ставни на окнах, заперты на щеколды ворота и калитки во дворах. По пустым улицам

ветер гнал поземку. Из конца в конец деревень шагали немецкие патрули.

Валентина замерла, прижавшись к забору. Ее не заметили за сугробом снега. Она выждала, пока скрылись фашистские патрули. Тогда у гумен, огородами Валя обошла часовых и юркнула в третий от края двор. Она у своих!

— Валя... Валентина Павловна! Комиссарша наша!

Ее окружили люди, вооруженные пистолетами и охотничьими ружьями. У женщин на плечах вилы, у стариков топоры. Двор был заперт, но у каждой щели бойцы стерегли врага.

— Пора, товарищи! Гони гитлеров со всех закоулков! — вдруг крикнул председатель Демичев.

И тотчас открылись калитки, ворота, двери. Со всех углов двора ринулись толпы людей. В глазах Вали замелькали лица, лезвия топоров, пестрые платки колхозниц, рогатины вил, высоко поднятые над головами ружья и берданы.

— Комиссарша, за мной! — крикнул, вскидывая на плечо бердану, коренастый, в коротком тулупе председатель Демичев.

— Обходи назаровскую избу! Окружай! Окружай ее! — звучал его гневный голос уже на улице.

Валя вместе с Демичевым бежала к назаровской избе, размахивая блестящим наганом, которым ее снабдили партизаны.

— Бей того, лупоглазого! Вилами... вилами его! Прямо в поганую харю! По башке басурманов!

Крики сливались в один негодующий гневный рев. Побросав оружие, бежали за околицу немецкие часовые. Но там их подстерегали партизаны. Трещала дробь автоматов.

Валя увидела, как с помятым, обрюзгшим лицом, без фуражки, в незастегнутом мундире выбежал «рыжий пудель», немецкий переводчик Хайнц. У Вали от

негодования перекопилось лицо, щеки ее побледнели, она подняла наган.

— Стой, мерзавец! Не уйдешь!

Красное лицо Хайнца вдруг побледнело, задрожали щеки, задергались губы.

— Фрейлен Катрин, молю пощады! — Он опустился на колени.

Валя выстрелила в упор, и «рыжий пудель» свалился на дорогу.

— За Шуру, за сотни загубленных советских девушек!

Везде валялись трупы фашистов: у заборов, в сугробах, под стрешнями домов. Люди мстили за смерть своих детей, жен, матерей, за поруганную землю и честь.

У крайней избы шла перестрелка: там засели немцы-автоматчики. Валя бросилась туда. Партизаны, ворвавшиеся в деревню, как вихрь, осадили избу. Ваня Волчок, Ваня Мишин, комиссар Бобылев и Старый Иван незаметно подползли к окнам избы. С трех сторон в окна полетели гранаты, раздался оглушительный взрыв, и стрельба немецких автоматчиков сразу стихла.

К партизанам бросились колхозники. Они обнимались, поздравляли друг друга. Многие плакали от радости. Валя снова встретилась со своим молодежным отрядом Шести Иванов. Ее тоже обнимали и поздравляли с первым боевым крещением.

Вечером партизаны ушли, а вокруг освобожденной деревни расположилась цепь колхозной обороны. Началось совещание колхозников. Старики, старухи, колхозники, колхозницы заполнили избу. Так тесно, что Валя с трудом пробралась к столу. На нее смотрели сотни глаз; колхозники и колхозницы говорили: «Совсем дитё наша комиссарша...»

Валя застудила горло, беспрестанно кашляла, но слова ее, душевные, простые, возбуждали и волновали колхозников. Поднялась буря рукоплесканий. Слезы радо-

сти показались на глазах при упоминании имени вождя.
— С нами родной наш отец! Сталин в Москве! —
раздались возгласы.

Снова буря рукоплесканий и слезы...

Вот поднялся с места старый колхозник Сидор Иванович Пономарев.

— Проклятые брехуны! Они драли глотки, лаяли по всем закоулкам! — слышался его гневный голос.

Он говорил об оккупантах. Фашисты распространили по радио наглую ложь: «Москва пуста. Выехало все правительство. Вылетел на самолетах Комитет Обороны. Кремль открыт, открыты пути в Москву. Русская армия разбита. Остались считанные часы... минуты... когда немецкие войска войдут в Москву...»

— Не быть фашистам в советской столице! Гордая красавица Москва не склонила своей головы перед лютым врагом! Сталин, наш народный полководец, командует непобедимой гвардией! Сталин с нами! Москва наступает! — взволнованно прозвучал голос Вали.

Этот голос поднимал их на борьбу, звал на решительный бой.

С маленькой Валентиной Павловной стал рядом коренастый чернявый, с проседью на висках и усах Демичев, председатель колхоза:

— Мы организовали свою колхозную оборону. Но пусть только партизаны бросят клич — и мы вольемся в их отряды. Мы поможем Красной Армии!

Незаметно к столу подошли две учительницы. Они предлагали организовать вязанье перчаток и носков для партизан.

— Откроем свою мастерскую, будем починять одежду.

К учительницам присоединились девушки-колхозницы. Решили собрать для партизан табак, спички, организовать подводы с продовольствием.

Выступления колхозников еще продолжались и воз-

бужденное состояние людей не улеглось, когда к президиуму стал протискиваться старик-крестьянин. Шапка на нем была худая, в прорехах, из дыр торчали седые клочья волос. Валя его давно заприметила. Колхозники старались оттиснуть его, но он настойчиво пробирався к столу. Отчаявшись, старик махнул было рукой. Но вдруг рядом увидел скамейку и свободное местечко на ней. Старик встал на скамейку. Теперь ему было видно всех. Не ожидая очереди и не обращая внимания на то, что на него зацыкали колхозники, он крикнул:

— Дорогие граждане! Дозвольте и мне сказать свое слово... От воробьевского общества я!

Собрание насторожилось. В избе водворилась минутная тишина. Старик слез со скамейки; перед ним расступились колхозники. Он подошел к столу.

— Ну что ж, дадим тебе слово, Иван Тимофеевич, говори от воробьевского общества, — ободряюще сказал Демичев.

Иван Тимофеевич снял свою худую шапку, оглядел собрание. Простое русское лицо в морщинах расплылось в добродушной улыбке.

— Вы уж не гневайтесь на меня, старика, милые граждане, что я к вам затесался, — извинился он. — Дело у меня, точно, от всего общества.

Старик неожиданно поморщился.

— Да нет, придется сначала, по порядку рассказывать.

— Давай, старик, по порядку! — загудело собрание.

Иван Тимофеевич оживился, разгладил бороду и начал:

— Так вот, две ли, полторы ли недели тому, позавтраку, поехал я в лес. В избе холод, зябли ребятишки. Дровишек надо... Прихватил я с собой дочку Марусю. Только завернули мы в рощу, в ореховые кусты, — глядь: человек к нам прямо из кустов. «Здравствуй, хо-

зяин. Из какой деревни будешь?» спрашивает. «Из какой же, — отвечаю, — известно, из Воробьев». — «Так... А немцев у вас много?» — «Много. В каждой избе по сорок-пятьдесят напихано».

Так. Смотрю я на человека, и сдается мне — где-то его видел. Ну, да разве всех упомнишь! Только наш, думаю, человек. Сразу обозлился я на него. «Пошто ж это ты один по лесу блукаешь? — спрашиваю. — Неровен час, попадешь немцам в лапы!» Человек улыбнулся: «Не беспокойся, дед, нас много. Не боимся мы немцев». — «Партизаны, что ли, будете?» — «Партизаны», отвечает. Хорошо. Тут я слез с саней, подошел к нему: «Коли партизан, тогда здравствуй!» Поздоровались мы. Самому стало радостно. Гляжу на него. Человек он стройный ростом, складный. Глаза веселые, а руки тяжелые, жилистые, рабочие. А главное, гордость такая наша — русская. Душевен мне стал человек. «Может, чем помочь надо? Хлеба, сала принести?» спрашиваю. «Ну что ж, принеси, коли желание есть. Спасибо скажем».

С тем мы и разъехались. На другой день отнес я несколько буханок хлеба да несколько кусков сала, положил в условленное место. Потом пошел проведать. Хлеба и сала нет, а на том месте записочка лежит.

Иван Тимофеевич расстегнул потертый армяк и из нагрудника достал узелок. В нем аккуратно была завернута бумажечка.

— Вот она... от самого главного... — положил он на стол записку.

Валентина Павловна прочитала вслух:

«Спасибо, дед, за подарок. Век не забудем твоего душевного расположения к партизанам. Будем еще сильнее биться с врагами. Со всем народом, под водительством Сталина одолеем и разобьем грабителей фашистов!

Комиссар партизанского отряда Иван Б.»

Колхозники шумно заплодировали деду. Иван Ти-

мофеевич выждал, когда снова водворилась тишина, и продолжал:

— Тут я шумнул своим верным односельчанам. Так, мол, и так: можем оказать помощь партизанам! В тот же день собрали мы мясо, сало, хлеб, капусту, лук, огурцы соленые. Вынесли в условленное место. Только, глядим, никто не берет наших подарков. Горько нам стало. Почто разобиделись на нас партизаны, ума не приложим. Потом узнали: ночью в роще бой был большой наших партизан с немцами. Принесли гитлеры много своих раненых да убитых. Которые приковыляли сами, те были без ружей и снаряжения. Подумали мы тогда: хорошо трепанули немчуру наши партизаны! Значит, не до подарков им было в эти дни. Ну, а общество опять же ко мне. «Давай, — говорит, — Иван Тимофеевич, доведи дело до конца. Раз начал, то и делу должен быть конец. Посмотри, — сказывают, — вон синявские, груздевские, фоминские, павловские колхозники давно с партизанами, помощь им оказывают. А мы нешто хуже их?» Вот я и пришел к вам, милые граждане, с просьбой принять к себе в один гурт и наше воробьевское общество! — закончил дед.

Ивану Тимофеевичу снова заплодировали, и он низко поклонился колхозникам. Деда посадили в президиум, за стол.

Собрание продолжалось до глубокой ночи. Колхозники записывались в отряды обороны, готовили подводы с продовольствием, несли из дому хлеб, мясо, сало, крупу, капусту. Деревня шумела, как рой встревоженных пчел.

21. С НАМИ СТАЛИН!

На небе гасли последние звезды. Занималось серое утро. Валя шла в следующую, одиннадцатую по счету, деревню. Надо было пройти хуторы, лес, овраги, поле,

сторонкой миновать немецкие зенитки, потом опять идти лесом, мимо других деревень. На бугорке, окруженная полем и лесом, стояла деревня Виньково.

Где-то впереди фыркнула и заурчала немецкая машина. Валя отбежала в сторонку и спряталась в кусты. Машина промчалась мимо и скрылась. Валя снова вышла на дорогу. Потом встретилась крестьянская подвода. Худая лошадь еле переступала с ноги на ногу.

В полдень показалось Виньково. Уже кончался лес, редели кусты. За оврагом лежала деревня. Над крышами поднимались клубы дыма, слышалась частая стрельба из автоматов. В лес бежали люди, на ходу надевая пальто, шубы, шапки. Валя насторожилась.

— Ой, желанная, не ходи! Беги скорей в лес! Гитлеры хватают всех! — закричала ей женщина.

Валя свернула в кусты. Женщина оказалась виньковской колхозницей. Она рассказала о событиях в деревне. Час назад в Виньково неожиданно нагрянули советские танки, разгромили немецкий штаб, подавили зенитки и уничтожили пулеметные гнезда. Два советских танка совершали глубокую разведку в немецком тылу. Теперь они завернули в соседнюю деревню на немецкий аэродром.

Фашисты в панике разбежались, попрятались, но когда скрылись советские танки, вылезли и стали вымещать свою злобу на мирном населении. Они открыли стрельбу по улице.

Поймали шестнадцатилетнюю Нюру Иванову, посадили ее и на груди наклеили надпись — «Русский шпион». На улице расстреляли стариков и старух, подожгли несколько домов.

— Что только делают, лютые звери! — заплакала колхозница.

Валя только теперь увидела на руках женщины ребенка: раньше ей казалось, что это узел. Лицо ребенка было мертвенно бледно, все сморщилось в кулачок, с

головой капала кровь. И оттого, что женщина прижимала к груди застывший трупик, кровавое пятно на свернутом одеяле разрасталось. Женщина не понимала, что ребенок мертв. Она села под елью на снег и стала укачивать труп.

Валю потрясла эта картина. Когда подошли другие колхозницы, Валя торопливо написала коротенькую записку в Синьки, чтобы женщине помогли. Одна из колхозниц взяла на руки ребенка, а другие стали торопить мать.

— Пойдем, Аленушка, пойдем... Мы поможем тебе донести сына. Он будет жив, здоров, — успокаивали они ее.

Колхозницы скрылись в лесу.

Голова у Вали горела, учащенно билось сердце. Ее охватило чувство гордости за советских людей, за смелых танкистов, проникших в глубокий фашистский тыл. Ей захотелось взглянуть хоть одним глазком на советские машины.

«Может, они пойдут обратно по этой же дороге?» подумала она и обрадовалась этой мысли. Советские танки только по этой дороге и могли возвращаться: этот путь был самым близким к фронту.

В лесу стало так тихо, что Валя слышала, как билось ее сердце. Она прислушивалась к шуму сосен и елей. Где-то далеко послышался шум моторов и лязг гусениц. Вале вспомнилась молотьяба на замерзшем току в пять цепов: так молотили по затвердевшему снегу гусеницы танков.

Она выпрямилась и, укрываясь за густой хвоей, подкралась ближе к дороге. Шум моторов нарастал, лязг гусениц становился слышней.

«Наши возвращаются! Они!» подумала Валя. В голове родилось смелое решение. «Остановить танкистов... Может, у них есть газеты с докладом и речью Сталина?»

Выбежать на дорогу и крикнуть: «Товарищи, остановитесь!»

Валя не помнила, как очутилась посреди дороги, и из груди вырвалось звучное родное слово:

— Товарищи!

Танки остановились. Люк приоткрылся. Валя подбежала к первой машине в тот момент, когда из нее показался молодой танкист в шлеме. Валя не успела рассмотреть ни его лица, ни больших смеющихся черных глаз. Она овладела собой и крикнула:

— Привет вам, товарищи, от островских партизан!

Встреча была так мимолетна, что танкист на клочке бумаги еле успел записать сведения о зенитках, штабах и расположении немецких войск, названия деревень, сообщенные Валею.

— Спасибо, товарищ. Передайте и наш горячий привет партизанам! — Танкист крепко пожал руку Валею.

Она получила газеты с докладом и речью Сталина. Это было самым дорогим подарком островским партизанам. Люк захлопнулся, и танки рванулись вперед.

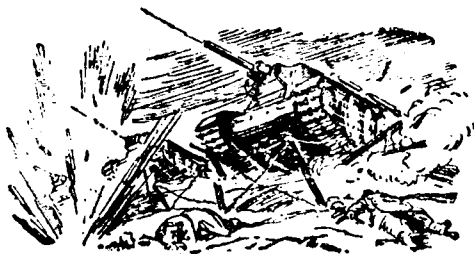
Валя побежала в чашу леса. Ветви больно били ее по лицу. Она вязла в снегу, ноги подкашивались, дыханье захватывало. Дальше она не могла бежать и опустилась под густой елью. Она достала газету и долго всматривалась в портрет Сталина. Потом стала читать и читала, пока не заоченели пальцы.

В лесу стало темнеть. Контуры деревьев расплывались в густом тумане. Валя аккуратно свернула газету и запрятала ее в нагрудник. Она долго шла лесом, минуя деревни и дороги.

Надвигалась ночь, выступали звезды. К утру она думала добраться до землянки. А там Ваня положит газету на кассу, возьмет верстатку и будет набирать сталинские слова правды. Они дойдут до каждого колхозника, отпечатанные в тысячах оттисков.

Валтя притрагивалась рукой к груди, где лежала газета.

В газете сталинские слова. С ними не страшно одной в темном лесу ночью. От этих слов проходила усталость. Не страшны и фашистские звери. Она знала, что слова сталинской правды будут разить гитлеровцев сильнее бомбы.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
1. Землянка под елью	3
2. Провокация	9
3. Шура	13
4. На мельнице	17
5. Дядя Ютин	22
6. Отряд Шести Иванов	27
7. Поход	32
8. Предатель	37
9. Кашинская трагедия	43
10. В землянке Шести Иванов	47
11. Сын русского народа	50
12. Возмездие	55
13. В комитете	60
14. Путь дяди Ютина	64
15. Два Ивана	67
16. Крылатые гости	70
17. Каменская дорога	74
18. Поединок с „гидрой“	78
19. „Птенец“	82
20. Москва готовится к наступлению	88
21. С нами Сталин!	95

Цена 1 р. 20 к.